

[Polaris]

Н. ОГНЕВ

СЛЕДЫ ДИНОЗАВРА

Забытая палеонтологическая фантастика

Том III

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

X

Salamandra P.V.V.

Н. ОГНЕВ

**СЛЕДЫ
ДИНОЗАВРА**

**Забытая
палеонтологическая
фантастика**

Том III

Salamandra P.V.V.

Огнев Н. (Морозов М. Г.)

Следы динозавра: Забытая палеонтологическая фантастика. Том III. Рис. Ю. Ганфа. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 91 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. X).

Публикации забытой палеонтологической фантастики в серии «Polaris» продолжает фантастическо-приключенческая повесть Н. Огнева «Следы динозавра».

Повесть открывает новую грань дарования автора знаменитого «Дневника Кости Рябцева». Ее герои – французский палеонтолог Дормье, неутомимый тов. Френкель и разложившийся комсомолец Свистунов – отправляются в Монголию на поиски костей динозавров. Пережив ряд приключений в пустыне Гоби, они неожиданно для себя оказываются в гуще китайской революции...

СЛЕДЫ Н. ОГНЕВ ДИНОЗАВРА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

СЛЕДЫ ДИНОЗАВРА

Рисунки Ю. Ганфа

1.

Видения палеонтолога

— Альфонс, умываться!

Ответа не было. Профессор задремал снова. Где-то в глубинах сознания еще шевелилась мысль о том, что нужно встать, куда-то ехать, что-то предпринимать... но все это заволочлось какой-то дымовой завесой, она закурилась смутными струйками, за ней блеснула синь моря, встали белые меловые скалы. Гигантские хвощи-папоротники с трехэтажный дом, плауны, сигиллярии, лепидодендроны раскинулись по белизне скал темно-зелеными лапами.

«Меловая система вторичной, мезозойской группы», — со смутным удовольствием отметила память профессора.

Но вот зашевелилась, качаясь, группа папоротников, оттуда глянули острые, колючие, неприятные глаза. Высунулась остроклювая голова, украшенная громадным двухметровым шипом и двумя шипами поменьше. Глаза неприязненно и подозрительно оглядели окрестность из-под опухлых век.

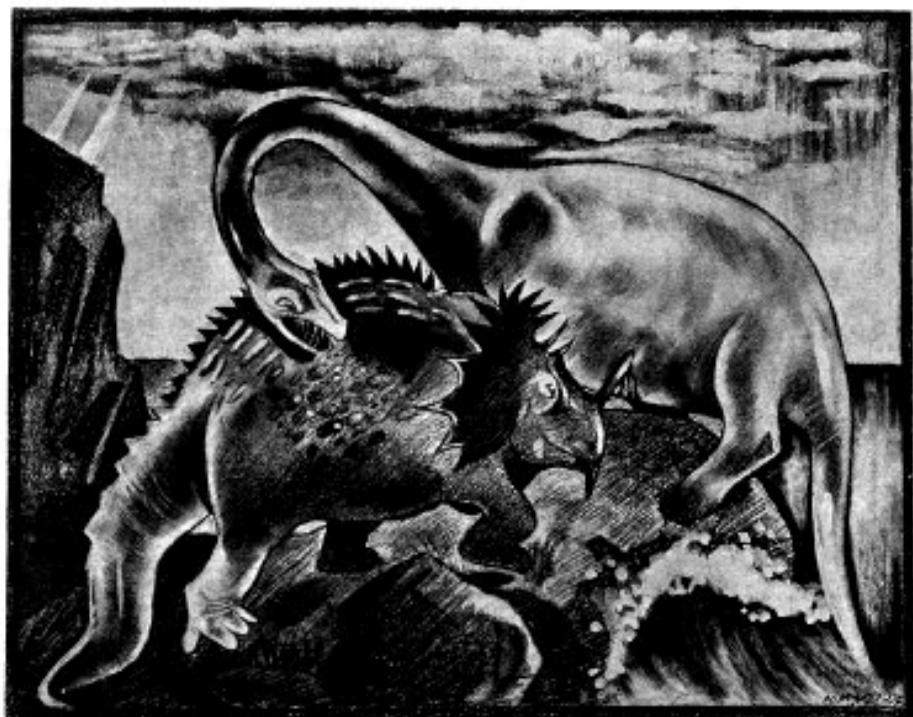
«Трицератопс, — с замиранием сердца подумал профессор. — Он высматривает добычу».

И, словно в ответ профессору, ломая стволы папоротников, на меловую скалу полезла грязно-бронзовая туша величиной со слона.

«Ну да, трицератопс — трехрогий динозавр», — с восхищением подтвердил про себя профессор.

Динозавр, раскачиваясь, дополз до вершины скалы и приник всей тушей к ее меловой поверхности. А спокойная до сих пор гладь моря внезапно забурлила, пошли круги, легкие волны стали биться на берег. Динозавр сжался, словно готовясь к прыжку.

«А ведь он немного пониже Эйфелевой башни, — уже с жутью подумал профессор. — Кто же его противник?»

Из моря высунулась голова на очень длинной гибкой шее. Похоже было, что колоссальных размеров змея встала на хвост, раскачивается, ищет жертву. Динозавр нагнул голову, выставил шипы, и тотчас же по поверхности моря понесся странный, скрипучий звук, словно поворачивали колесо деревенского колодца.

«А, вот как вызывают на бой динозавры, — удовлетворенно подумал профессор. — Но кто его противник?»

Противник, издавая ровный, непрерывающийся свист, уже лез из моря навстречу динозавру. Казалось, гигантская змея приклеилась к туловищу колоссальной свиньи. Грязный хвост обхватом в трехсотлетний дуб волочился по скале, оставляя, серый, мокрый след.

«Диплодок, — определил профессор. — Интересно, кто же сильнее?»

Динозавр внезапно оттолкнулся — и прыгнул. Его падение на спину диплодока было ужасно. Диплодок взвизгнул, захрипел, его шея змеей обвилась вокруг исполинского пузыря динозавра; было видно, как на шее вздулись жилы толщиной с канат. Динозавр, изловчившись, вонзил большой шип в спину диплодока — и оба, храпя, визжа, извиваясь, покатались в море... Еще немного, еще — и страшный грохот покатился по меловым скалам, заставляя вздрагивать, колебаться, исчезать папоротники, плауны, метлы хвощей... «Но почему же такой грохот?» — с удивлением подумал профессор, и открыл глаза. Та же самая стена, покрытая ровными, деловыми обоями; коричневая панель полированной перегородки; ночной столик, кувшин и таз в углу, — все, как в любом номере любой европейской гостиницы.

Москва за окном

— Альфонс, умываться!

За окном глухо рокотали экипажи, пели и завывали гудки, сирены, рожки. Где-то внизу, за стеной, плыла невидимая и стремительная масса пешеходов. Автомобили, автобусы, грузовики перегоняли друг друга в беге к неведомой цели. Но для того, чтобы видеть, нужно было встать, выйти из-за перегородки... вообще расстаться с теплой и мягкой постелью. Но для этого нужна теплая вода, мохнатая простыня, — и, самое главное, чтобы кто-то приготовил и подал.

— Ну, что ж? вы, Альфонс?!

Ответа не было. Пошел за водой, — решил профессор. — В этой большевистской стране теплая вода выдается, вероятно, по карточкам.

Профессор вспоминал вчерашнюю встречу чаевоза, везшего приличных молодых людей из Общества культурной связи...

Странно, однако... Профессор вспомнил вчерашнюю встречу на вокзале, вполне приличных молодых людей из «Общества культурной связи», представителя научного общества, легкий «Фиат», на котором профессора доставили в гостиницу. Неужели все это подделано? Неужели стремительное движение на улицах, расторопные милиционеры, сверкающие витрины магазинов, потоки электричества, неужели все подготовлено только для того, чтобы пустить пыль в глаза ему, профессору Дормье, члену Французского Палеонтологического общества? Профессор твердо помнил, что еще до отъезда в Россию он решил ни в коем случае не отвлекаться от главной цели внимания на эксперименты большевиков. Да, все это так, но если у них нет теплой воды...»

— Альфонс!!!

Вставить и разыскивать Альфонса не хотелось, четырехдневная дорога растрясла организм порядком. Но вместе с тем вставить было нужно, так как до отъезда нужно было повидаться с московскими коллегами, кое-чем запастись, достать новые, советские карты Монголии... Монголия! Наконец-то, профессор находился на пороге необозримых, неисследованных стран, гигантских пустынь, свидетельниц всех возрастов истории, где каждый шаг мог сулить новые, неожиданные, потрясающие открытия... Мамонт, покрытый кожей с волосами и доставленный в один из русских музеев... Мертвый город Хара-Хото... Кости исполинских ископаемых... Все это факты,

Альфонс! Альфонс! Альфонс!

а не плод досужей фантазии, не измышления шарлатана Чалленджера, журналиста Мелона и охотника лорда Рокстона*. Нет, каждая минута дорога!

— Альфонс! Альфонс! Альфонс!

3.

Мертвый камердинер

Но Альфонса не было. Профессор вскочил, поспешно натянул брюки и, путаясь в помочах, выглянул из-за перегородки. Верно, за окнами туманилось московское зимнее утро, легкие узоры красовались на стеклах окон. Чемоданы стояли нераспакованными, и профессор ощутил, что он стоит в чем-то мокром. Верно, — гладкий и блестящий паркет был залит водой.

— Вот большевистские прелести, — иронически сказал профессор вслух. — Лопнул водопровод и нас угощают потопом. Профессор подошел к кровати, взял нечищенные ботинки, надел их на мокрые носки и направился к выходной двери с явной целью устроить настоящий французский скандал и управляющему этой большевистской гостиницей, и Альфонсу, и вообще всем, кто попадет на дороге. Но большая и тяжелая дверь в переднюю номера не открывалась; профессор с силой нажал ручку и отпихнул какое-то препятствие. Поперек маленькой передней лежало человеческое тело; профессор взгляделся, узнал тщательный пробор Альфонса, его смокинг, надетый прямо на фуфайку, тщательно выглаженные брюки...

— Что с вами, Альфонс? — закричал профессор, трогая камердинера на плечо. От толчка профессора плечо качнулось, но тотчас же неукоснительно вернулось на старое место.

* Персонажи романа Конан-Дойля «Затерянный мир».

— Что такое? Пульс, пульс, — забормотал профессор, на шаривая руку Альфонса. — Что такое?.. Не работает! Сердце?! Не бьется и сердце! Альфонс, что с вами?!

Альфонс недвижно лежал, уткнувшись лицом в разбитый фарфоровый кувшин. Ровный рокот колес за окнами только подчеркивал напряженную, звенящую тишину. И внезапно профессор понял, что Альфонс потерян навсегда, что Альфонса больше не будет, и что он сам, профессор Дормье, остался один в этой странной, враждебной стране. Резким движением профессор распахнул дверь в коридор.

— На помощь! Люди! Люди! — закричал профессор в строгую тишину коридора и так как никто не отзывался, добавил негромко и неуверенно:

— Та-ва-ри-щи!

Еще в Париже профессор, готовясь к путешествию, раздобыл франко-русский словарь, и какой-то оборванный эмигрант целых два дня учил его произношению некоторых, наиболее употребительных русских слов. И теперь, так как никто не откликнулся, профессор в отчаянии хаотично выпаливал в пустоту коридора весь свой запас:

— Та-ва-ри-щи! Красиви женщин! Из-вош-ник!

Дверь соседнего номера с шумом растворилась, оттуда шагнул необыкновенно длинный мужчина в фуфайке, стал перед профессором, спросил:

— В чем дело, гражданин?

— Извош-ник, — уже не помня смысла сказанного слова, умоляюще пролепетал профессор, глядя на незнакомца снизу вверх. — Понимаете, мой Альфонс умер! Может быть, он в обмороке? Но я вижу, что вы не понимаете! О, боже! Дайте мне вилле-ка!

— Э, да вы я вижу парле франсе, — прервал его незнакомец. — Муа осси! — Кельк шоз!

Тогда профессор ухватил его за фуфайку и потащил его в коридор своего номера. Быстрая и горячая французская речь ударила в уши незнакомца нервной барабанной дробью.

— Ах, это был такой слуга, такой слуга! И вы понимаете, в этой варварской стране потерять такого слугу, это нужно иметь несчастье. Он был не только слугой, он заменял мне технического помощника. Это с ним вместе на юге Франции мы обнаружили в сланце птеродактиля! Профессор Чалленджер, этот всемирный шарлатан, готов был лопнуть от зависти, он шел на все, чтобы переманить от меня Альфонса! И теперь на пороге великих открытий потерять его! Что это был за помощник!

Но долговязый незнакомец, обращая мало внимания на бессвязную профессорскую речь, быстро и деловито шагнул в спальню, несколько раз нажал кнопку звонка, затем положил Альфонса на спину и с трудом втощил его в номер, ближе к свету. Пока коридорный бегал за доктором, долговязый попытался сделать Альфонсу искусственное дыхание, но без всяких видимых результатов. Прибывший доктор выслушал сердце, проверил пульс и сказал:

— В морг! Позовите милицию. Разрыв сердца.

4.

Товарищ Френкель

Долговязый незнакомец шагнул к профессору, сочувственно пожал ему руку, сказал:

— Морс, по латыни — смерть. Мои французские познания ограничены. Доктор, объясните ему, что я желал бы оказать ему посильное содействие. Меня зовут Френкель, товарищ Френкель.

Френкель принадлежал к числу людей, выброшенных из колеи империалистической и гражданской войнами. В спокойной, обывательской жизни был бы Френкель счетоводом или почтово-телеграфным чиновником, кумиром провинциальных барышень и руководителем любительских спектаклей. Но эпоха потрясений вырвала Френкеля из мешанской среды, закрутила его, завертела и — вот уже целое пятилетие вертелся, беспокоился, разорялся Френкель, не находя себе притыку, доли, места в общем муравейном строительстве государства. В партию Френкель не вступал сознательно, так как не выносил никаких п р и к р е п л е н н о с т е й, но с партийцами дружил и даже пользовался известным доверием. К Френкелю относились добродушно-иронически; если нужно было выразить что-нибудь несбыточное, неосуществимое, маловероятное, то говорили: «а это когда Френкель разоряться кончит», и Френкель это знал, и сам над этим посмеивался. Главная беда Френкеля состояла в том, что он н а ч и н а л, и н е к о н ч а л. То он организовывал где-то на Полтавщине клуб беспартийной молодежи, но на полдороге бросал и мчался в Архангельск, пешком ходил по губернии и подбирал избачей. В Сибири ставил на ноги маслобойные артели, в Белоруссии добивался тракторов для крестьянских обществ, и затем оседал на некоторое время в Москве, срыву хватаясь за первое попавшееся дело. Френкеля несколько раз арестовывали, но очень скоро отпускали, так как убеждались, что он не афе-

рист, не шарлатан, а совершенно бескорыстный человек, только без притыку...

И теперь, стоя перед профессором Дормье, с самым дружелюбным видом, Френкель действительно жаждал только одного: как-нибудь помочь, оказать содействие, а для этого — войти в контакт.

— Муа, же ву зассюр, — плел Френкель с совершенно невыносимым французско-нижегородским выговором и не дожидаясь объяснений доктора. — Ле доктор ву ди, ке же авек плезир*.

Пока санитары укладывали на носилки труп Альфонса, доктор, с трудом выговаривая французские слова, успел объясниться с профессором. Выяснилось, что профессор хочет уехать в Монголию как можно скорей, а самое главное — разыскать в Москве такого человека, который хоть бы отчасти заменил бы скончавшегося Альфонса.

— Ах, доктор, вы говорите, что в Москве можно будет найти заместителя, — говорил профессор. — Да, я понимаю, но какого? Мне подсунут человека, который не будет в состоянии отличить триасовой системы от архейской группы, который спутает чешую брон-

Тов. Френкель

* Я вас уверяю... доктор вам скажет, что я с удовольствием...

товатора с клешней трилобита. Нет?.. Потерять Альфонса на самом пороге великих открытий!

Между тем доктор объяснил Френкелю все, что нужно было сделать для профессора. Френкель выслушал с видом величайшей готовности, и не успел доктор кончить фразы, как Френкель уже неся гигантскими шагами по коридору к телефону — вызывать Дом Ученых, заказывать инструменты и — разыскивать помощника профессору.

5.

Разложившийся Свистунов

«Тощица какая. В клуб что ли шарахнуть?»

Васька Свистунов остановился посреди тротуара.

«Бузина все... Культработа тоже называется... А куда податься? Эх, чертоплешина. Придется в клуб! А что там делать?»

Васькин взгляд скользнул по слабо освещенной домовыми фонарями улице, остановился на плакате Авиахима: по синему фону катился земной шар, и его огибал стремительный самолет.

«Выиграть бы кругосветную поездку что ли?.. Всякие там страны, народы... уехать бы туда от всех? Поди ж, выиграй... Да и билет еще не куплен».

Лениво шаркая ногами по тротуару, Свистунов двинулся вдоль улицы.

Не успел Васька подняться по обшарканной, со следами снега на ступеньках лестнице, знакомой до каждой выбоины, — как его остановил ядрист Пашка Лобов.

— Васька, ты что? — накинулся он. — Разлагаешься под влиянием нэпа? По целым неделям в клубе не бываешь?

— А что делать-то?

— Раньше-то находил дело?

— Раньше находил, а теперь не нахожу, — со злобой сказал Васька, глядя прямо в глаза Лобову. — Ведь работа-то разваливается? Ее собираешь, а она расплзается. Ребята больше в пивную норовят, а девочки фокстротам обучаются. Поди, замани их на политграмоту или хоть на общеобразовательный! Ну?!

— Вот те и ну! Ты не бузи, Свистунов, а возьми вот — просмотри программы лекций политшколы, из ЦК прислали. А я сейчас на президиум...

Лобов исчез. Под самым плакатом «Н е к у р и т е , р е б я т а» сидели несколько парней и отчаянно дымили папиросами и громко хохотали.

«Ишь, ржут!... Клубисты, тоже! Верно похабщину несут» — подумал Свистунов и, проходя мимо, бросил:

— Курить бы можно и перестать! — Но никто не обратил внимания.

В углу несколько ребят разрабатывали на брусках; брусья все время выскакивали из гнезд и стойки шатались. Кожаные матрасы были свалены беспорядочной грудой, и от каждого прыжка из них поднималась столбом пыль.

«Разломали, черти!... Все неорганизовано, без присмотра... Никому и дела нету...» — подумал Свистунов, отворачиваясь в сторону.

В другом углу несколько девочек напевали «Цыганочку»; две девочки, стоя друг против друга, изображали цыганскую пляску: отчаянно тряся плечами и прищелкивая пальцами, они как-то странно выворачивали ноги одна перед другой.

«Вот она, стабилизация» — мелькнуло в голове у Свистунова. Он решительно подошел к

*Отчаянно тряся плечами,
изображая цыганскую
пляску*

девчатам, схватил одну из них за плечо:

— Это что же — клуб или кабак?

— Да что ты, Васька, в чем дело? — и потанцевать нельзя?

— Чего хватаешь? Тоже, нашелся распорядитель!

— Генерал — его превосходительство! Слушаем-с ваших приказаний, только не можем исполнять!

И, забывая, что девчата и год, и два, и три тому назад, тогда, когда, казалось, работа шла на полных парах, отругивались точно так же и в тех же самых выражениях, — Свистунов внезапно ощутил в выкриках девчат то самое разложение, которое он так остро чувствовал за последнее время. Мало того, отойдя от девчат, Васька почувствовал, что внутри у него что-то упало, что какой-то холод входит в сознание, и что, пожалуй, он, активист Васька Свистунов, и не нужен больше этому клубу, который он с такой охотой и с таким революционным напором строил четыре года тому назад.

«И как это они могут работать в такой обстановке? — подумал Васька, проходя мимо комнаты президиума, откуда раздавались возбужденные голоса. — В других клубах, по крайней мере, есть результаты. А с нашими ребятами разве что сделаешь. Одна бузина!»

В художественной мастерской, на полу, сидели несколько ребят и клеили стенгаз.

— Свистунов, Васька! Помогать пришел? — встретили ребята. — Иди, посмотри, как здорово получается. Президиум за бездеятельность прокатили.

— Некогда, — отрезал Васька и с неприязнью подумал: «шарахнуть бы вас отсюда... Тоже, стараются, время убивают, а в газете одно зубоскальство и бузина — дельного ничего не почерпнешь...»

Васька вытащил из кармана программы и, усевшись на подоконник, стал их просматривать.

— А Свистунов где? — раздался громкий, возбужденный голос в соседней комнате, — и в художественную влетел бывший руководитель хорового кружка Френкель. — Вот он

где! Здравствуй, Вася! Дело есть! Ну, как дела? Пойдем, поговорим!

Разложившийся Свистунов

— Френкель?! — с радостным удивлением вытаращил глаза Васька. — Откуда? Года два не видались!

— Ну, не видались, а теперь увиделись! Идем, идем! Я только третьего дня с Урала — золотые россыпи разыскивал.

— Ну и что, — нашел? — с улыбкой спросил Васька, поднимаясь и уже чувствуя себя вовлеченным в струю необузданной и бестолковой энергии этого долговязого человека.

— Пойди, найди; да не в этом дело! Вот что, — отбивал Френкель слова, выведя Ваську в коридор. — Можешь ты мне рекомендовать человечка? Необходимо нужен чело-

век. Только имей в виду: тут эта самая, как ее, — палеонтология замешана. Так что толкового!

— Какой человек? Какая ерундология? — перебил Васька.

— Палеонтология, это про разных мамонтов, — поспешно пояснил Френкель. — Только мне некогда, идем — проводи меня, все объясню... И на буксире у Френкеля Васька Свистунов покинул клуб.

6.

Краткие сведения о науке

Тихие просторы Дома Ученых были внезапно встревожены грохотом шагов, громкими голосами, препирательствами со швейцаром. Френкель втащил Ваську в общую комнату, усадил в мягкое кресло, сам исчез на мгновение — и притащил какого-то старого старичка. Старичок испуганно озирался, пытался оправдываться, но Френкель усадил его против Васьки и совершенно авторитетным тоном заявил:

— Вот что, товарищ! Мы вас не беспокоим да и задерживать не будем. Но нам необходимо задать вам один вопрос. Что такое палеонтология? В кратких словах. Раз-два — и готово!

— Но позвольте, граждане... — пытался протестовать старичок.

— Да, ведь, что вам стоит?! — меловым тоном прервал Френкель. — Вы всемирный ученый, вас вся Европа знает! Ваши достижения! Ваши изыскания! Вы, наверное, всех мамонтов по именам-отчествам знаете!

— Позвольте, почему же мамонтов? Ну, хорошо, если вам нужно знать, что такое палеонтология, я вам объясню. Только лучше бы того... организованным порядком... Ну, хорошо, хорошо! Прежде всего, уважаемые граждане, — старичок поднял палец кверху, — палеонтология есть наука о рас-

тениях и животных, населявших землю в доисторические, так сказать, времена, и минувшие периоды жизни земли. С одной стороны, палеонтология примыкает к геологии — науке о происхождении горных пород, составляющих земную кору, об их свойствах и изменениях, которым они подлежат. С другой стороны, палеонтология близка зоологии и ботанике, так как обе эти науки посвящены тоже растениям и животным, только современным нам. Так, например, изучением вымершей породы гигантских ящеров-динозавров — занимается палеонтология, а ящериц, — прямых потомков динозавров, — изучает зоология. Исчезнувшие с лица земли растения лепидодендроны, встречающиеся только в виде окаменелостей, подлежат изучению ученых палеонтологов, тогда как близкие их родственники — папоротники — исследуются учеными-ботаниками.

Старичок встал, воодушевился.

— Науки палеонтология и геология занимаются — каждая в своей области — исследованием и изучением истории земли. История земли, граждане, — это величественное п о н я т и е! Ведь это те миллионы и десятки миллионов лет, которые прожила наша земля еще до появления на ней человека... Сколько изменений претерпела земная кора. Какие только чудовища ни дышали тем воздухом, которым теперь дышим мы. Какие причудливые растения украшали собой совершенно непривычные нашему глазу виды. Но земная кора под влиянием подземной, вулканической деятельности трескалась, ломалась и погребала в своих недрах и животных и растения и меняла свой внешний облик до полной неузнаваемости...

Чтобы не путаться, следует помнить, что наука, занимающаяся изучением истории человека, — называется а р х е о л о г и е й. Геология же и палеонтология изучают все, что касается истории земли до появления на ней человека, а это произошло больше чем пятьдесят тысяч лет тому назад... Ну-с, что еще вы хотите знать?

— Да, ведь, как сказать? Больше, пожалуй, и ничего. А? Васька?! — вопросительно глянул Френкель на спутника. Тот промычал что-то в ответ, тогда Френкель вскочил и так

яростно затряс старичка за руку, что тот раскрыл рот, собираясь звать на помощь...

— Ну, что же, найдешь ты мне человека? — спросил Френкель, когда они очутились на Пречистенке. — Только надежного, понимаешь? А то мой профессор, француз-то, уж очень о своем Альфонсе горюет...

— А куда ехать? — спросил Васька задумчиво.

— Да в Монголию же, Шут Иваныч, в Монголию, — разве я тебе не говорил? И вот, исследовать всякую эту палеонтологию.

— Слушай, Френкель, — торжественно сказал Васька, останавливаясь. — Если райком разрешит, то поеду я сам.

— Ты-ы?... — растерянно глянул Френкель. — Да ты разве годишься в технические помощники?

— Разберусь как-нибудь!

— Слушай! Васька! Да ведь ты же организатор... активист?!

— Между нами говоря, Френкель, — не могу я быть активистом... в этой обстановке. С удовольствием удеру куда-нибудь... хоть к черту на рога.

— Значит, едешь?

— Еду.

— Ну, так черт же тебя дери совсем! — в полном восторге воскликнул Френкель. — В таком случае и я с вами!

7.

Первое знакомство

И они ввалились в номер профессора Дормье

— Вот вам помощник! — закричал еще с порога Френкель. — Вуаля.

— Кескесе ву парле франсе? * — спросил профессор.

* Вы говорите по-французски?

— Нейн, — ответил за Ваську Френкель. — Он по-французски не говорит, да это все равно, он потом научится. Я буду за переводчика. Я хоть и не говорю, да зато все понимали. Ведь понимаете, я тоже решил с вами ехать. Да, да. Я тут махонький гонорар в одном журнале подцепил — за уральские очерки, так мне хватит. Такая компания будет, что держись, — в восторге заорал Френкель. — Такого динозавра разыщем, не простого, а с кандибобером! Правильно, что ли, профессор? Же резон, не се па?*

— Динозаурус, — обнаруживая великолепные золотые зубы, заулыбался профессор Дормье. — Та-ва-ри-щи! Вив ла палеонтологи! (Да здравствует палеонтология!).

— Палеонтологи? Конечно, вив! — воскликнул Френкель. — Учись, Васенька! Э, да что там! Мы его самого по-русски научим, времени хватит. Правильно что ли, профессор?

Профессор отступил на шаг назад, напыжился, покраснел и внезапно выдал из себя:

— Прра-виль-на. Ка-го-ры тщасс?

— Да что там, он уже болтает по-русски, — слышишь, Васька, — обрадовался Френкель. — Ну, профессор, пока — о ревуар! Ваське в райком нужно за разрешением, а я за кирками да мотыгами, — вот по вашему списку... Айда, Васька! О ревуар, мусье профессор!

Так встретились в первый раз эти три совершенно разных человека, которым суждено было пережить совместно длинный ряд далеко не обыкновенных приключений. Из них — профессор Дормье ехал с совершенно определенной научной целью; Ваське Свистунову нужно было взглянуть на себя и на свою работу с о с т о р о н ы; и только Френкель, вполне откровенно и отдавая себе в этом отчет — ехал искать именно приключений.

* Я прав, не правда ли?

8.

Чертова колесница

...И вот, член Французского Республиканского Палеонтологического Общества Жан-Мария-Франсуа Дормье, профессор трех университетов, кавалер ордена Почетного Легиона, и прочая, и прочая, — несется, подпрыгивая на каждом ухабе, — куда-то в даль пустыни, среди высокой и жаркой травы; несется он, и на очень странном сооружении, которое только с приблизительностью можно назвать повозкой. Сбоку и сзади, с гиком, криком и улюлюканьем вскачь несутся верховые в нелепых остроконечных шапках и в халатах... Но самое главное во всей этой бредовой скачке это то, что можно назвать движущей силой. От повозки вперед протянуты оглобли, к ним привязан поперечный брус; концы его с обеих сторон грудью и руками поддерживают двое всадников — и в отчаянной скачке увлекают колесницу с профессором вперед... Когда эти всадники устанут — они тянут брус со всем грузом вперед не меньше чем лошади — под ними раздается свист, сзади или сбоку подлетают двое верховых на смену, на полном скаку подхватывают брус — и чертова колесница, не замедляя темпа, вновь и вновь устремляется в жаркие объятия пустыни.

Профессор Дормье — в Монголии, и его почетным транспортом по открытому листу из Верхнеудинска препровождают в столицу Монгольской Народной Республики — Улан-Батор-Хото (Красный Богатырь)...

Справа от профессора сидит товарищ Френкель и чертыхается на каждом ухабе. Васька Свистунов остался в Кяхте упаковывать на грузовик Центросоюза багаж экспедиции — и выедет позднее. Френкель держится руками за сиденье — и проклиная себя за то, что не остался с Васькой.

Но профессор Дормье доволен: он — в сердце Азии, где сделано столько великих открытий... В мечтах он уже от-

крыл столько гигантских костей неведомых чудищ, что ахнул этот шарлатан, профессор Ж. Чалленджер... Вся ученая Европа, обе Америки дивятся этим открытиям... Но профессор Дормье — не честолюбив и не тщеславен: он отклоняет приглашение на все эти конгрессы, избрания в члены разных обществ и — даже ордена... Ему нужно только одно: во чтобы то ни стало собрать скелет нового, невиданного экземпляра ископаемого..... Но допустим, скелет уже собран, — он достигает 50 метров в высоту и 175 в длину, — все поражаются, и восхищенный ученый мир на торжественном собрании присуждает новому чудовищному ящеру имя Динозавра Дормье, Д о р м ь е з а в р а... И тогда...

— Чччерт! — раздается рядом, и профессор летит параболой через борт повозки.

— Шшшшто такой? — кричит профессор, треснувшись с размаху об землю. Но уже соскочившие с седел люди в остроконечных шапках толпятся кругом, размахивают руками и бормочут на непонятном языке. Френкель охает и ругается по ту сторону свороченной в канаву повозки:

— И, черрт меня понес ехать на этой... на этой дьявольщине! Поехал бы вместе с Васькой на грузовике... Спокойно — и не тряско... Нет, вот до чего доводит проклятое любопытство!

Френкель, крихтя, помогает профессору стать на ноги. Монголы в халатах подозрительно быстро ставят на колеса и чинят роковую повозку. Вскакивают на лошадей и торжественно гарцуют вокруг: дьявольская колесница готова продолжать свой путь. Но... Френкель щупает свой череп, профессор потирает бок.

— Слушайте, профессор, — нерешительно говорит Френкель, за дорогу от Москвы до Верхнеудинска значительно освеживший свои познания во французском языке. — А

что, если нам подождать Свистунова и сесть вместе с ним на грузовик?

— Свистунофф? — отвечает профессор. — Ничего не имею против, — сесть на авто приятней. Но... сколько километров нам осталось до города?

— До Улан-Батор-Хото километров триста, — говорит Френкель, определяя эту цифру по признакам, ведомым ему одному.

— Но где же мы будем ждать? — спрашивает профессор.

Френкель всматривается и видит группу юрт — монгольских переносных хижин. Путешественники, хромая и побряктывая, направляются туда. «Почетный транспорт» с недоумением следует за ними шагком.

— А жалко, что не было кино-оператора, — думает Френкель, — чтобы заснять сцену падения... Был бы боевой кадр...

9.

Первый след динозавра

Первая же юрта, к которой подошли путешественники, была похожа на громадный опрокинутый котел, обмотанный войлоком. Окон не было. У самой земли была маленькая дырка, которую никак нельзя было принять за дверь. Тем не менее Френкель, а за ним профессор, скорчившись, полезли в эту дырку. Посреди юрты, на полу, несмотря на то, что стояла летняя жара, горел костер из кизячных плит... В углу пищал маленький ребенок. Еще пара ребят, совершенно голых, лежали у костра и с любопытством глазели на путешественников.

— Садиса, бачка, айшать будишь, — сказал старый, сморщенный монгол. — Чай шибка хорош. Вкусна, бачка!...

Действительно, над костром висел котел, и от него шел пар, наполнявший вместе с дымом внутренность юрты.

Старый монгол вытащил чашку из-за пазухи, — а на нем был только тэрлик, широкий халат, — вытер чашку полой, зачерпнул из котла и протянул Френкелю. Френкель боязливо взял чашку, чтобы не обидеть хозяина — пригубил и с размаху, не разобравшись, проглотил варево. (Знание народных обычаев было одним из главных коньков Френкеля). Горячая горькая касторка, помноженная на растопленный тухлый бараний жир, так жиганула пищевод, что Френкель, судорожно икая, полез на свежий воздух.

*Френкель.. взял чашку ... и с размаху.. проглотил
варево*

— Ай-яй-яй, бачка, хараша чай, шибка хараша, вку-усна, — послышался гостеприимный голос сзади. Но Френкель, цепляясь за войлок, уже пробирался куда-то за юрту...

Следом за Френкелем, не будучи в состоянии выносить воздух юрты, полез и профессор. Увидев, что с Френкелем неблагополучно, профессор решил воспользоваться временной остановкой и сделать кой-какие геологические наблюдения. Следует сказать, что профессор из общего багажа захватил с собою в дорогу геологический молоток.

Разминая растрясенные поездкой в чертовой колеснице ноги, профессор и не заметил, как удалился довольно далеко от юрты. Кругом расстилались безбрежные серо-зеленые пастбища. Но вот, у самой дороги профессор увидел большую кучу камней — и, забывая все на свете, устремился к ней.

— Гнейс... Гранит... Архейская группа, — забормотал он себе под нос, рассматривая камни и отковыривая их один за другим в сторону. — Кварцит... Известняк... Как жаль, что нельзя их захватить отсюда для сличения с музейными образцами...

Мало-помалу, в пылу научного азарта, профессор взобрался на самую вершину кучи. Но тут раздались пронзительные гортанные крики, профессор обернулся и увидел перед собой туземца с гневным лицом. Профессор недоуменно посмотрел на него.

— Окка, русска! Лязай, русска, — окна!... Окка: тенгри! (Окка — священная куча камней,

около которой предполагается присутствие духов. Каждый проезжающий монгол оказывает уважение этой куче, присоединяя к ней еще один камень. Обычай этот, как и другие суеверия, не выветривается до сих пор отчасти потому, что около 40% мужского населения Монголии состоит из лам — духовных лиц).

Профессор слез с кучи камней, достал пятиалтынный, и туземец сразу сделался снисходительней. На его физиономии расплылось подобие улыбки, и он произнес:

— Мая — лама. Будда есть!

Дальше он показал во все стороны руками и затем ткнул пальцем в профессора. Профессор догадался, что лама спрашивает его о направлении и целях его пути, и решил объяснить. Для этого профессор показал руками размер тех костей, которые ему хотелось найти. Видя, что этого мало, профессор по обыкновению увлекся и нарисовал на песке сначала скелет, а затем предполагаемый вид трехрогого динозавра.

— Даракона, — немедленно решил лама и показал профессору куда-то на восток. — Тама, тама даракона!...

Профессор был в восторге, что лама так быстро его понял. Конечно, профессор не был настолько наивен, чтобы предполагать, будто где-то на востоке имеется живой трицератопс, — но почему же не быть там — где-нибудь во льдах или песках цельной консервированной туше трицератопса, на манер сибирского мамонта. Все возможно в наши богатые научными достижениями времена... Но профессор увлекся еще больше, и для проверки своих предположений сначала ткнул пальцем в рисунок «дракона», потом стал на четвереньки и угрожающе зарычал...

Лама сначала посмотрел на него в недоумении, потом, словно догадавшись, хлопнул себя в грудь и протянул профессору ладонь. На этот раз профессор поощрил его двугривенным. Тогда лама торжествующе показал в сторону небольшого, скрытого высокой травой овражка. Профессор вопросительно посмотрел на ламу, тот важно кивнул головой, и профессор двинулся к овражку. Профессор с научным любопытством двинулся к овражку, и в его обоняние ударил ужасный смрад... Профессор, преодолевая отвращение, стал спускаться в овражек и увидел массу костей. Среди костей копались над чем-то собаки...! Вглядевшись в это «что-то», профессор распознал человеческий труп. Вне себя от отвращения, профессор нагнулся, поднял первый попавшийся камень и запустил им в собак. Собаки немедлен-

.. Профессор... стал на четвереньки и угрожающе
зарычал...

но бросили свое занятие и устремились на профессора. Профессор попробовал отбиться геологическим молотком, но собаки вертелись кругом, находясь вне пределов досягаемости. Еще немного, и палеонтологическая экспедиция была бы прекращена — но в этот момент раздались хорошо знакомые профессору гик, крик, свист, улюлюканье, конский топот и сильные руки подхватили профессора сверху.

— Хорошо, что мы встретили этого оборванного ламу, — сказал Френкель, усадив профессора сзади себя на маленькую степную лошадку. — А то бы вам, профессор, дорого бы обошлось это посещение монгольского кладбища. Разве вы не знаете, что монголы не хоронят своих мертвецов, а про-

сто сносят их в определенное место на съедение дикому зверью и собакам...

— Почему же вы узнали, что я пошел именно сюда? — спросил профессор.

— Да как же! Лама сказал вот этим молодцам, что вы спрашивали, где водятся собаки, и даже показывали, как собаки лают... он вас и послал на кладбище.

В сопровождении «почетного транспорта» профессор и Френкель вернулись к юртам.

10.

Ламья медицина

Так как ни Френкель, ни профессор не хотели больше пользоваться «почетным транспортом», верховые ямщики могли бы спокойно отправляться восвояси. Но они предпочли пустить лошадей пасться, а сами расположились в юртах и занялись мирной беседой с кочевниками за кумысом и чаем. Грузовик все не шел, ночь наступила, принесла холод. Путешественники рассчитывали переночевать на воздухе, но к полуночи стало так холодно, что пришлось лезть в юрты.

Ранним утром путешественники вылезли из юрт совершенно отяжелевшими и разбитыми. Френкель, по своей нетерпеливой натуре, никак не мог усидеть на месте, поймал одну из монгольских лошадок и уехал навстречу грузовику. Профессор же, запасшись на этот раз револьвером, отправился побродить по окрестностям — но в сторону, противоположную кладбищу.

Френкель проездил полдня, грузовика не встретил, страшно обругался и вернулся на место стоянки. Здесь с ним произошло несчастье. Когда Френкель соскакивал с лошадки, у него подвернулась ступня, и он упал на землю. Было очень больно, и Френкель позвал на помощь. Тотчас на помощь

прибежали ямщики из «почетного транспорта», подняли Френкеля и внесли его в юрту. Так как Френкель слегка стонал от боли, ямщики позвали ламу. Лама осмотрел ногу больного, сделал несколько распоряжений, и ему тотчас принесли требуемое.

После этого лама засел в тот угол юрты, где имелись изображения Будды во всех его перевоплощениях, и принялся стряпать медикаменты. Прежде всего спахтал глину с бараньим салом, сдобрил этот состав чем-то подозрительным и вонючим и подошел к Френкелю. Несмотря на боль, Френкель с любопытством наблюдал за действиями ламы. Лама же очень осторожными движениями потрогал больную и уже разутую ямщиками ногу, потом взял изготовленное им тесто и наложил довольно толстым слоем на больное место. Потом он встал, воздел руки кверху, и принялся бормотать.

— Буданцар-Алангоа, тенгри, — бормотал лама. — Таннуул. Ула-шань тенгри... Русска-москова тенгри... (Буданцар — легендарный родоначальник монгольского народа, Алангоа — его мать, тенгри — духи, дальше названия горных отрогов).

— Слушай-ка, ты, китайский поп, — сказал Френкель. — От твоих заклинаний у меня нога не проходит, а болит еще сильнее... Нет ли другого средства? Да сдери к черту свое сало с ноги! Заутреню-то брось.

Вместо ответа «китайский поп» полез опять в угол, наметал там какое-то новое «лекарство», стал около Френкеля на колени и поднес ко рту Френкеля чашку с необыкновенно сильным запахом перегнившей мочи.

— Это что же: ты хочешь, чтобы я выпил? — завопил Френкель. — Ну уж, это, брат, дудки! — С этими словами Френкель наподдал чашку так, что содержимое плеснуло ламе в лицо.

— Будда-Алангоа! — заорал, в свою очередь лама и бросился на Френкеля с кулаками. Так как лама был на ногах, а Френкель лежал, то очень быстро лама подмял Френкеля под себя и начал его молотить обоими кулаками, не соб-

людая особенной вежливости. Френкель отбивался, как умел, и звал изо всей силы на помощь. И помощь явилась.

Рядом с юртой раздался гудок грузовика, а в юрту вполз Васька Свистунов и одним ударом кулака отбросил ламу в угол прямо под многочисленные изображения Будды.

— Отпусти ему еще, Васька, — жалобным голосом попросил Френкель, — а то он меня чуть на тот свет не отправил.

— Сейчас, — ответил Васька с полной готовностью, высунил голову наружу, крикнул: — Шофер, поди-ка сюда! — а затем направился с угрожающим видом к ламе.

Но вместо шофера в юрту влез профессор Дормье.

— Даракона, бачка, даракона, — забормотал лама и стал на колени.

— Так этот самый человек, который знает, где есть кости динозавра! — воскликнул профессор. — Френкель, скажите, чтобы Свистунофф его не трогал, это человек ценный!...

Френкель объяснил Ваське в чем дело, и лама был прощен.

Через четверть часа, расплатившись с «почетным транспортом», экспедиция тронулась в путь на грузовике. Вместе с путешественниками на багаже восседал лама, который бормотал: — Даракона, даракона, — и показывал на восток...

11.

Свистунов и движение

Работа, собственно говоря, была, но Свистунов еще с утра ушел из торгпредства, где расположилась экспедиция, чтобы побродить по «Красному Богатырю»... Нельзя сказать, чтобы Васька очень интересовался бытом и нравами местных жителей, — в этом случае он обратился бы, вероятно, к монгольскому «союзу революционной молодежи», нельзя сказать также, что Ваську повлекло на улицу то з е в а ч е -

с т в о, которое создает обычно вокруг всякого уличного происшествия толпу бездельного народа. Нет; Васька почувствовал потребность в том полудремотном уединенном состоянии, в том своего рода самонаркозе, когда все проходящее мимо зрения — вместе с тем проходит и мимо сознания. Во дворе торгпредства, где грузилась экспедиция в Гоби, все время толкались люди, и где приходилось подтягиваться и что-то делать даже и не по инерции, — такое состояние для Васьки было невозможно.

Навстречу вместе с монголами в остроконечных шапках, монголками в рогатых уборах, китайцами в удобных синих хурмах и штанах, шли верблюды, свиньи, ослы, собаки. Улицы не было. Там и сям были разбросаны «хошуны» — юрты за частоколами. Только на площади было несколько зданий европейского типа. Со всем тем и на площади и в извилистых переулках около хошунов было большое движение. То и дело навстречу попадались небольшие отряды «цириков» — монгольских солдат, старательно печатающих шаг. Цирики были одеты, несмотря на жару, в шинели русского образца.

Кое-где на частоколах хошунов болтались красные флаги — в этом было дыхание революции. Но Свистунов вспомнил 40% лам, дорогу, «почетный транспорт», и согласился в душе с секретарем полпредства, который на вопрос Френкеля ответил:

— Монголия пока еще не красная. Монголия — красноватая.

В том же состоянии самонаркоза Свистунов обошел весь Улан-Батор-Хото — и ему казалось, что все же, по сравнению с Москвой, он пришел в некоторое движение. Восемь суток в скором поезде, потом автомобиль до Кяхты, затем грузовик Центросоюза. Кусок высокоорганизованной материи в лице Свистунова, отказавшийся было работать в Москве, вновь, как-то извне приобрел необходимый толчок и, будучи выведен из одного рода инертного состояния, перешел в другой род инерции. Свистунов двигался, Свистунов начинал даже действовать иногда по собственной инициативе, но Свистунов еще не жил. Активное участие в граж-

данской войне, в непрерывных боях и разведках, ратный труд и боевое удалство, наступления, атаки, снарядный вой и пулевой свист, ночевки на голой земле, многочасовые бессонные переходы, — как-то незаметно перешли в упорный и длительный нажим дьявольски-настойчивой учебы, пропаганды, организаторства, строительства, непрерывного, настырного призыва к действию других.

И в результате Свистунов о с т а н о в и л с я. Повидимому, этого и не могло не случиться, это должно было случиться, потому что в возрасте Свистунова организму в обычных условиях приходится расти наиболее интенсивно и собирать соки, чтобы израсходовать их потом. Может быть, следовало бы просто отправиться на месяц в санаторий, чтобы восстановить жизнедеятельность истощенного организма; может быть, следовало бы уехать в деревню, но... деревни никакой не было, а с санаторием обстояло дело сложнее, потому что из распространенного комсомольского (и ложно понятого) самолюбия Свистунов не хотел быть н е ж н е й и обременительней для государства, чем другие. То состояние, которое переживал Свистунов теперь, когда последовательно его приводили в движение неистовый Френкель, а потом техническая работа у профессора, еще не выбило Свистунова из характерного для него за последнее время туманного и совершенно равнодушного к а ч а н и я из стороны в сторону, словно и не комсомолец он, и не активист, может и не парень даже, а некое бревно на постаменте, вроде деревенских качелей.

Шатаясь по шумным улицам, Свистунов добрал до окраины города, над которой на горе господствовало странное сооружение — не то дворец, не то храм. Вокруг этого храма блистали на солнце золоченые крыши храмиков поменьше.

Спросив у встречного русского, Свистунов узнал, что это — Большой Ганген, ламаистский монастырь, в котором в посте и молитве пребывают 15000 лам. Вместе с тем проходивший указал Свистунову на целый табор юрт под горой, в которых живут девицы «хухены», жены лам. Так мудрые

ламы блюдут обет безбрачия и вместе с тем утешаются с хухенами.

Нечто вроде отдаленного любопытства мелькнуло у Свистунова. Расспросив прохожего, Васька направился в монастырь. Выбрав храм побольше, Свистунов пошел в него. В довольно большом помещении сидели, поджав под себя ноги, на кошмах около тысячи лам. Сидели они почти друг на друге, так что пройти между их рядами было никак нельзя. Около каждого из лам лежала груда узеньких картонок с письменами. Окончив читать одну картонку, лама брал другую и начинал монотонно бубнить по ней себе под нос. Одновременно каждый лама управлялся с кашей. Мальчишки-подростки, служители — разносили на коромыслах ушаты с кашей и подкладывали тем из лам, которые успели очистить свои котелки. Кроме того, «бонди» разносили свежие вороха картонок и подкладывали тем из лам, которые управились с предыдущей порцией. Так, в самосозерцании, каше и молитве по картонкам проходило медленно время.

Ламы не обратили на Ваську никакого внимания, только один из стариков, сидевших у стены на деревянных подмостках, посмотрел на Ваську внимательно и сердито. Васька собрался уже уходить, как вдруг один из «бонди», парнишка вдвое ниже Васьки, остановился перед ним, сделал низкий поклон и, указывая пальцем на КИМ'овский значок на Васькиной груди, сказал:

— Та-ва-ли-ся!

И прищипнул языком. Видно было, что значок ему очень нравится, и что в нем-то как раз он видит обозначение Васьки, как товарища. Васька, недолго думая, снял значок и подал парнишке. Парнишка взял значок робко и недоуменно, глянул на Ваську, приложил значок к своей груди и, на ответный Васькин кивок, вдруг закланялся, заулыбался, и даже с неведомой целью хотел поймать Васькину руку, но в этот момент старик у стены разразился целым потоком гневных слов, видимо, ругательств, парнишка подбежал к старику, униженно подал ему значок, старик бросил значок на землю и растоптал его ногами. Васька обозлился, хо-

тел было тут же выдрать старику пол-бороды, но вспомнил, что он все-таки в чужой стране. Кроме того, было бы нецелесообразно вступать в бой из-за значка со всей тысячей лам. Поэтому Васька повернулся и пошел вон из храма. Уже во дворе его догнал тот же самый «бонди», поймал-таки Васькину руку и чмокнул ее губами. Ваську взяла досада, он хотел объяснить, вдолбить, но тут же сообразил, что это вздор и что все равно парнишка его не поймет. Тогда Васька взял парнишку за руку, потряс ее и, глядя парнишке прямо в раскосые, гноящиеся глаза, сказал отчетливо и внятно:

— Товарищ! Пролетарий!

— Та-ва-ли-ся! Лета-лия! — восторженно подхватил парнишка, но из храма раздался грозный окрик, и парнишка исчез.

Вновь побрел Свистунов по извилистым улочкам Улан-Батора, но в его состояние вкралось что-то новое, непохожее на то, что было до сих пор. — Что же это, что? — мучительно спрашивал себя Свистунов. — Что я, обрадовался этому проявлению пролетарских чувств со стороны мальчика? Нет, — отвечал он сам себе, — я этого именно и ожидал, и удивительно было бы, если бы не встретил какого-нибудь парнишку в этом роде. Значит, это не радость. Нет, это состояние скорей похоже на растерянность, на подавленность. Но почему я могу быть подавлен?

— Стой! — закричал вдруг Свистунов, остановившись, — и шедший навстречу одnogорбый верблюд шархнул в сторону. — Стой! Поймал! Ясно: ведь, вся эта тысяча там, в храме, занималась тем же, чем и я: с а м о с о з е р ц а н и е м. Так, так. Ведь, у буддистов это — обряд. Сидеть и смотреть на свой собственный пупок. Ну, а я? Да, должен честно, поКИМ'овски, сознаться перед самим собой: и у меня превратилось в последнее время в обряд. Дальше? — уже с удовольствием продолжал самоанализ Свистунов. — Дальше! Этот парнишка был контрастом, представителем пролетарской солидарности, то есть борьбы. Я — частичка стабилизации, он — частичка борьбы. Казалось бы, что нужно наоборот. Ведь, я активист, прошедший целый ряд этапов, а

он? Просто маленький монгольский парнишка, которым помыкают, как грязной тряпкой... И вот, получилось крайне невыгодное для меня зрелище: я хожу и интеллигентски хандрю, а он только и ищет — инстинктивно — поводов для того, чтобы ввязаться в ту самую борьбу, которую я покинул. Ловко, Васька Свистунов! Грязный монголенок дает тебе предметный урок пролетарской солидарности, и ты выступаешь в очень невыгодном освещении...

Свистунов зашел в «союз монгольской революционной молодежи» — там его знали, он уже был непосредственно по приезду — и узнал, что работа ведется не только среди монастырских служек — «бонди», но и среди самих монахов-лам.

— Наша первая задача — разложить это гнездо Большого Гангена изнутри, — сказал секретарь союза. — Разогнать неммыслимо, потому что ламы все еще пользуются среди населения колоссальным авторитетом.

Когда Васька явился во двор торгпредства, оказалось, что экспедиция выступает в Гоби завтра утром. Профессор, казалось, ходил не по земле, а носился по воздуху: он был на пороге осуществления своих великих задач.

— Он еще не знает, — сказал Френкель, отозвав Ваську в сторону, — и я ему не говорю пока, чтобы не огорчать: этот сукин сын, лама, который ему все толковал про дракона и которого мы неизвестно зачем захватили с собой, сегодня ночью сбежал...

13.

Яйцо Дормьезавра

Изредка впереди возникали миражи: какие-то пагоды со слегка позолоченными крышами, группы деревьев и озера. Самое главное — озера. В безводье Гоби, в раскаленном,

дрожащем воздухе путешественников манила ровная, спокойная, синеватая вода.

Профессор на маленькой монгольской лошадке ехал впереди всех. Его геологический молоток был всегда при нем. То и дело профессор отъезжал в сторону от каравана, пробовал породу, рассматривал сланец, гнейс, кусочки гранита.

Френкель, несмотря на жару, был всюду. Он подбодрял устававших проводников, помогал профессору копаться в породах, щекотал Ваську подмышками, когда тот задумывался, и даже на животных действовал ободряюще.

Ваське очень хотелось отделаться от острых приступов самоанализа, которые он впервые ощутил в Улан-Баторе, но парень никак не мог справиться с собой. Иногда он удалялся от экспедиции и совершенно один верхом на своей лошадке целыми часами двигался по безводной почве, стараясь только не терять караван из виду. В раскаленном воздухе верблюды, лошади, люди казались серо-желтыми, тающими в солнечных лучах.

На одном из привалов, у колодца, когда люди и животные напились, освежились, стали располагаться на ночлег, профессор поднял палец кверху.

— Здесь проходил Козлов, — торжественно сказал профессор. — Недалеко отсюда два года тому назад американец Эндрьюс сделал величайшие палеонтологические открытия. Он нашел массу костей ископаемых, и среди них несколько яиц, снесенных динозаврами за много сотен тысяч лет до нашей эры. В некоторых из яиц оказались окаменевшие зародыши. Это — не шарлатанский «затерянный мир» профессора Чалленджера, а настоящая наука... Кто знает! Может быть, и мы стоим на пороге величайших открытий! Недалеко отсюда проходит Великая Китайская Стена. Впрочем, она уже давно заброшена, разрушается, и, вероятно, что даже на протяжении пятисот километров мы не встретим человека...

На другой день Васька, по обыкновению, отстав от экспедиции, ехал, глядя в землю. То и дело приходилось въезжать на холмики, покрытые редкой, солнцем опаленной рас-

тительностью и съезжать с них. На одном из холмиков Васьки на лошадь споткнулась. Васька слез с лошади, вгляделся в препятствие — профессор просил обращать особое внимание на все выдающиеся из земли предметы — и разглядел нечто вроде кротовьей кучи. Сбросив песок, Васька ощутил под рукой твердое, каменное. Обрыв кругом почву, Васька обнаружил странной формы окаменевший предмет, никак не меньше метра в длину и полуметра в ширину. Предмет оказался настолько тяжелым, что Васька самостоятельно поднять его не смог. Васька догнал караван, позвал проводника и вместе с ним доставил предмет профессору. Профессор сделал распоряжение остановиться, долго обчищал предмет молотком, потом подошел к Ваське, положил ему руку на плечо и торжественно сказал:

— Молодой друг, вы сделали открытие, превосходящее открытия Эндрьюса! Вы нашли величайшее яйцо динозавра, которое узнает научный мир. Все яйца, открытые Эндрьюсом, не превосходят 30-40 сантиметров в длину. Поздравляю вас! Вы нашли яйцо динозавра, может быть, до сих пор неведомой науке породы. Вы нашли яйцо д о р м ь е з а в р а!

Яйцо было тщательно запаковано и погружено на одного из верблюдов. Экспедиция долго копалась на месте находки, нашла еще пару костей динозавра, что подтвердило правильность предположений профессора.

14.

Хунхузы

...И снова — тающий, раскаленный воздух, медленные верблюды, пески, пригорки, изредка миражи потекли перед сонными глазами путешественников. Френкель и проводники постреливали в дроф, в тарбаганов, в маленьких степ-

ных куропаток. Профессор неумно и настойчиво долбил молотком все встречавшиеся камни.

Через три месяца после выезда из Москвы Васька Свистунов завидел далеко впереди ровную зубчатую, уходящую вдаль линию. — Опять мираж! — сонно подумал Васька.

— Китайская стена! — догадался Френкель. — Эка! До самого Китая доехали, и не заметили!

— Китай! — оживился и Васька. — Там, за этой стеной идет сейчас великая и ожесточенная борьба. Впервые за всю свою историю проснулась четырехсотмиллионная страна и делает отчаянные попытки освободиться от векового рабства... Эх, удариться бы в гражданскую войну, что ли?!

И Ваське вспомнилась пробитая пулей буденовка, висевшая на гвозде в его скромной комнатенке на Благуше.

И — словно в ответ на Васькины мысли — мимо него слабо свистнула и зарылась в песок пуля на излете.

— Френкель! — удивленно сказал Васька. — Что за черт, пуля?

— И вторая за ней, — подхватил Френкель. — Кто это нас за дроф принял?

Приятели осмотрелись кругом. Волнистая линия степи, редкая желтая трава, да ряд холмиков на горизонте и впереди караван — вот все, что можно было видеть. В это время спереди донеслись крики.

Васька ударил прутом свою лошадку и поскакал к каравану.

— Револьвер-то у тебя заряжен? — кричал Френкель, едва поспевая за Свистуновым.

— Хунхуза! Хунхуза!! — кричали проводники-монгольцы, соскакивая с лошадок и верблюдов и ложась на землю. Пули свистали кругом, издав далеко слабо потюкивали выстрелы.

— Почему их, однако, не видно? — напряженно думал Васька, а сам чувствовал, как в нем загорается кровь.

— Ползут, черти, — кричал Френкель, — ползут за холмами. Надо бросать багаж и верблюдов и искать надежно-го прикрытия... Профессор, профессор, нужно спастись...

Профессор с сожалением глядел на верблюда, на горбе которого так уютно было пристроено яйцо неслыханного динозавра.

— Да бросьте, они не возьмут, спастись нужно, — прокричал Френкель. — Скорей, они и так нас берут на мушку.

И, схватив под уздцы лошадку профессора, Френкель скакал вперед, к Великой Китайской Стене. Беспорядочной толпой в том же направлении бежали и скакали проводники. Оставшиеся на месте верблюды беспокойно топтались и озирались кругом.

— Лишь бы до Стены добраться, там они нас живьем не возьмут! — обернувшись, крикнул Френкель Ваське.

Но Васька не торопился. Он весь пригнулся к лошадиной шее, сжал в руках ручку браунинга и, словно играя опасностью, выжидал мишени. Мишень не замедлила показаться. Из-за линии холмов вынырнул сначала один всадник, потом другой. Она постояли на месте и с воем и улюлюканьем двинулись вдогонку беглецам. И тотчас же, словно изпод земли, выросли несколько пешеходов с винтовками и, стреляя на ходу, стали приближаться к Ваське. Васька медленно, с выбором, прицелился, нажал гашетку, и потом, не глядя, ударил ногами бока лошади и понесся за товарищами.

Сзади слышалось улюлюканье и слабо потюкивали выстрелы. Впереди медленно, но верно, вырастали занесенные песком зубчатые развалины когда-то грозной Китайской Стены.

15.

Между двух огней

Очень сильный, но теплый, южный ветер встретил беглецов на гребне Великой Китайской стены. С профессора слетела кепка, но он даже не заметил этого; и бежал-то он,

и взбирался на стену совершенно механически: так его потрясла потеря яйца. В камни то и дело тюкали пули. Власть распорядиться и организовывать оборону как-то незаметно попала к Френкелю. Френкель действовал быстро и молодецки: распределив все наличное огнестрельное оружие между проводниками, он расположил линию обороны так, что совершенно отрезал подступы к стене со стороны пустыни. Два-три смельчака, пытавшиеся обходом подобраться к стене, были уложены на месте меткими пулями одного из проводников и самого Френкеля. У Френкеля был восьмизарядный винчестер, и как-то сразу всем стало понятно, что пока он в руках Френкеля и пока не исчерпаны патроны, — ни одному из хунхузов на стену не взобраться.

— Френкель, дай пострелять, — жалобно просил Васька, нервно колотя по ляжке бесполезным в данный момент браунингом. — Что тебе, жалко что ли? Да-ай!

— Отстань, — резал Френкель. — Ведь, ты для баловства, а потом патронов не хватит. Ты не забывай, скоро ночь... Да вот, гляди: цель к твоему браунингу сама скачет.

И верно: от группы всадников отделился один, в высокой остроконечной шапке, и поскакал к стене. По дороге он размахивал какой-то грязной тряпкой, так что можно было принять его за парламентаря. Подъехав почти к самому подножию стены, всадник осадил лошаденку, и тут обнаружилось, что одной рукой он держит свою тряпку, а другой прижимает к шее лошади коротенький карабин.

— Уууу-ля-ля! — закричал всадник, махая тряпкой. — Уууу-лля! Да-ра-коо-на! Шшиб-ка пу-шанго, рущка капетана! Даракона пу-хау! Улля. Рущка дурака даракона!

— Да ведь это наш лама!

— Провокатор чертов! — почти одновременно вырвалось у Френкеля и Свистунова. Васька тщательно приладил браунинг на сгиб левой руки и стал наводить мушку на ламу. Но в этот момент резкий возглас на французском языке заставил Ваську обернуться: профессор выскочил из-за прикрытия, и, бешено размахивая геологическим молотком, кричал какие-то ругательства.

— Спрячьтесь, профессор, ассейеву (садитесь), — надрывался Френкель и, увидев, что профессор не слушается, вскочил, схватил его за плечи и усадил насильно. И вовремя: лама воровским движением поднял карабин кверху и, — не целясь, выстрелил. Пуля свистнула мимо Васькиной головы.

— Ну, чертов поп, — подумал Васька и нажал гашетку пистолета. В тот же момент лама очень смешно кувыркнулся вверх тормашками так, что с ноги слетела туфля и исчез под брюхом лошади. Лошадь судорожным движением ринулась вперед, потом повернула, поскакала было обратно, но, не проделав и двух сажений, тяжело рухнула на землю; тотчас же из-под ее туловища выскочил лама и вприпрыжку пустился бегом к своим.

— Промахнулся! — крикнул Васька. — В лошадь попал!

Лама на бегу обернулся, погрозил кулаком и, делая зигзаги, припустил еще сильнее. Тут только Васька заметил, что Френкель методически, через ровные промежутки, хлопал из Винчестера над самым его ухом.

— Мон эф (мое яйцо), — кричал профессор, простирая руки в пустыню. — Догоните их, догоните! Они увозят драгоценное яйцо!

С гребня было видно совершенно отчетливо, как часть верховых хунхузов окружила верблюдов и вьючных лошадей и спешно погнала их на запад.

— Ну, уж ничего не поделаешь, профессор, — успокоительно сказал Френкель. — Тут не до жиру, быть бы живу. А это что такое?

Мягкая пулька шлепнулась в песок. Так как со стороны пустыни никто не стрелял, всем стало ясно, что стреляют откуда-то сзади.

— Что они: окружили нас, что ли? — недоуменно и почти растерянно спросил Френкель и, нагибаясь в промежутках зубцов, побежал к противоположной стороне стены. Пули затюкали в песок и о камни все чаще и чаще. Небо заметно темнело. Хунхузы, стягиваясь полукольцом к карава-

ну, уже исчезали из поля зрения, сливаясь со смутными далями Гоби.

— Сюда! Сюда!
— внезапно заорал Френкель, высунувшись из-за зубца с противоположной стороны стены. — Товарищи, бегите на эту сторону! Похоже, нас опять атакуют...

Васька и проводники переметнулись на другую сторону; сразу стало понятно, откуда стреляют: словно из-под земли то и дело вспыхивали огоньки и вспухали клубки дыма: было совершенно ясно, что бьют из кремневых ружей допотопного образца.

— Товарищ Френкель! — крикнул один из русских проводников, взятых экспедицией из Улан-Батора. — Я так думаю, — не хунхуза это! Хунхуза на китайскую сторону не ходок. Стой, я с ними по-ихнему попытаю...

И, размахивая фуражкой, проводник закричал в сторону выстрелов что-то по-китайски. Выстрелы сразу прекратились; проводник продолжал кричать.

— Они в земле сидят; сейчас ихний представитель выйдет, — сказал он, когда ему прокричали что-то в ответ. — Это ихняя, вроде, милиция. Тоже хунхузни остерегаются, вот и хоронятся в земле... Минь-туаны называются... Откуда-то ружьев достали, желторожие... Раньше не было.

По направлению к стене, опираясь на ружье, шел китаец. Френкель и проводник соскользнули со стены и двинулись к нему навстречу. Через десять минут выяснилось, что

— Сюда, Сюда! — внезапно заорал Френкель, высунувшись из-за зубца... стены

минь-туаны (кулацкая милиция), опасаясь налета хунхузов на расположенную невдалеке деревню, держат на линии Великой Стены постоянные сторожевые посты. Отбивать караван минь-туаны, несмотря на предложенную профессором денежную награду, категорически отказались. Яйцо дормьезавра было утеряно безнадежно.

Зато у Васьки Свистунова, несмотря на усталость, тревожно и счастливо замирало сердце: ведь он, нежданно-негаданно, попал в великий пробуждающийся Китай, — туда, где четырехсотмиллионный народ, к ужасу и негодованию рабовладельцев всего мира, загорался красным огнем революции.

16.

Динозавр под маком

Профессор шел сзади всех вместе с отряженным минь-туанами проводником до деревни. Китаец что-то непрерывно лопотал по-своему; профессор, как будто, его понимал; по крайней мере, то и дело подавал реплики и, размахивая руками, тыкал пальцем то в одну, то в другую сторону.

Сумерки быстро сгущались. Путники вошли в очень узкое ущелье со странными, очень высокими и ровно высеченными стенами. Стены уходили далеко вверх, и быстро темневшая полоска неба почти не давала света. Китаец-проводник зажег факел и остановился перед темной дырой в стене ущелья.

— Куда это он нас завел? — спросил Френкель.

— А это, товарищ Френкель, живут они здесь так, — ответил улан-баторский проводник. — Вырубят себе дом, залезут и живут.

— Лёсс, — сказал профессор, рассматривая при свете факела отколупнутый кусочек почвы.

— Так точно, товарищ, — лёссом называется, — подтвердил улан-баторец. — И дюже она хлебородная земля, лёсс этот самый. Она хлеб родит способней воронежского чернозема. А сама — желтая, вроде глины.

— Так что же: лезем? — спросил Френкель — и полез в отверстие. Внутри вырубленной в лёссе фанзы (хаты) не было никого. При свете дымного факела путешественники кое-как расположились на ночлег, прямо на земляном полу. Пахло сыростью, глиной, факельным дымом. Было гораздо холодней, чем на воздухе. Прижавшись тесно друг к другу, все десять членов экспедиция — проводники, профессор, Френкель и Свистунов — скоро заснули глубоким сном усталости.

...Васька Свистунов открыл глаза и с недоумением воспринял темноту, душный воздух и едкий грибной запах сырости. Кругом раздавался спокойный храп на разные голоса. Из входного отверстия брезжил матовый сумеречный свет.

— Где это я? — спросил себя Васька, привыкший за последнее время видеть над собой при пробуждении безграничные просторы неба пустыни. И тут же вспомнил:

— Ах, да... Китай! Это здорово! Вот удивились бы ребята на Благуше, если бы им рассказать... И, наверное, тут же, где-нибудь рядом, идет драка. Как жалко, что я невнимательно слушал доклады про Китай. Да и сам не больно-то им занимался: поважней цели были. А теперь, поди, определи: к кому мы попали — к революционерам или к контрам... Ах, черт! Надо, пожалуй, вставать... Да и пошамать бы не мешало! Френкель, Френкель, вставай!

— А? Что? — пробормотал Френкель, сразу открыл глаза и сел. — А где ж ученый-то наш? — спросил он, щупая рукою землю около себя. — Опять куда-то унесли черти... Нарвется опять на каких-нибудь псов... Пойдем, Васька, поищем его...

— А проводники? — спросил Свистунов.

— Пускай пока спят, мы еще воротимся.

Приятели вылезли из пещеры и очутились в том же ущелье, по которому двигались вчера вечером. Ровные желтые

стены, уходящие ввысь, напоминали дворы-колодцы небоскребов. По ущелью шли долго, все время брали отлогий и утомительный подъем. Когда, наконец, справились с подъемом, оба так и ахнули: направо, налево и прямо расстилались вышитые нежными шелками ковры; белые, розовые, красные и темные маки устилали необозримое пространство.

— Гляди, Васька, а вон и профессор, — сказал Френкель, указывая на копошившуюся в маках темную фигуру. — Что он там делает?

— Профессор! Профессор! — закричал Васька, двигаясь по направлению к фигуре. Маки были смяты зигзагами: видно было, что по ним шли, словно чего-то ища. Фигура и верно оказалась профессором. Он и китаец-проводник рыли землю.

— Динозаур, — восторженно ответил профессор на безмолвный вопрос Френкеля. — Я рассказал китайцу, чего я ищу, и он привел меня сюда.

— Как же вы ему рассказали?... — начал было Френкель, но не договорил: по дороге и через маковые плантации к ним бежали какие-то люди в белых костюмах и широкополых шляпах. Через минуту всех четверых схватили, скрутили руки за спинами, и, несмотря на ругательства и протесты, куда-то поволокли. Схватившие путешественников молодцы принадлежали, несомненно, к белой расе, были хорошо сложены и обладали здоровенными мускулами, что испытал на себе Васька Свистунов, пытавшийся им сопротивляться.

Через четверть часа пленники были доставлены к красивому двухэтажному дому в стиле английских коттеджей, обнесенному колючей проволокой, и предстали перед хозяином дома и маковых плантаций — мистером Гарри Джонсом, красивым и статным англичанином в белом субтропическом шлеме.

— Кто вы такие? — спросил Гарри Джонс, и повторил свой вопрос по-французски и по-немецки. — На основании какого действующего права вы забрались с целью порчи в мои плантации?

Пленники предстали перед хозяином.. максовых плантаций—мистером Гарри Джонсом

— Я — француз и профессор палеонтологии, — гордо ответил Дормье. — Ваши люди поступили со мной как... с китайцем. Я протестую.

— Развяжите ему руки, — приказал англичанин. — Вы сами виноваты, профессор! Вы должны были знать, что находитесь на территории великобританской колонии, какой, по существу, является весь Китай. А кто такие ваши спутники? Вы должны дать мне исчерпывающий ответ, по-

тому что я являюсь ответственным представителем Великобритании во всей провинции Шень-Си.

— Это — мои русские спутники, — начал было профессор.

— Русские? — брезгливо перебил англичанин.

— Убрать их немедленно с моей территории! Вы, профессор, должно быть, сошли с ума, если называете своими спутниками боллль-ше-ви-ков!! Только ради вас, профессор, как представителя союзной нации, я не приказываю их немедленно заковать в наручники. Отведите этих грязных разбойников в деревню, — обратился Джонс к своим подручным. — Да скажите там минь-туанам, чтобы они за ними присматривали... Их оружие, с вашего разрешения, профессор, я задержу у себя.

— Вот-те и Китай! — с недоумением сказал Васька, когда его и Френкеля привели в китайскую деревушку, водворили в одну из фанз, крепче и благоустроенней остальных, и поставили у ворот вооруженного длинной палкой с ножом на конце китайца.

17.

Ночной налет

Высоко над горизонтом вспыхнула яркая точка и вдруг рассыпалась в темном небе дождем разноцветных брызг, осветив на мгновение грязный двор дрожащим призрачным светом. Вдали глухо зарокотали большие китайские барабаны и слабо донеслось щелканье, похожее на выстрелы.

— Праздник какой-нибудь китайский, — ракеты и хлопушки, — подумал Свистунов, вышедший во двор глубоким вечером после длинного бездельного дня, проведенного в фанзе в обществе Френкеля и хозяина фанзы — ту-хао (кулака).

— Спать надо идти, Френкель небось десятый сон видит... А нельзя ли как-нибудь отсюда удрать, — в двадцатый раз пришло Ваське в голову. В это время отблеск какого-то огня на облаках привлек Васькино внимание.

Минь-Туан, прислонив свое странное оружие к забору, мирно похрапывал

— Костры, что ли? — подумал Васька и влез на невысокий забор. Минь-туан, прислонив свое странное оружие к забору, мирно похрапывал. Васька перемахнул через забор и пошел по направлению к шуму.

— А вот и удеру, вот и удеру, — радостно мелькало у него в голове и колотилось в сердце. Пробираясь узкими проулками, Васька заметил, что слабые отсветы в облаках постепенно увеличиваются, разрастаясь в зарево, охватившее полнеба.

— Пожар где-то... — Васька прибавил ходу. Узкие ворота с нагроможденными, загнутыми кверху, черепичными крышами, были открыты. Сторожа нигде не было. Прямо растлались ровные поля, кое-где светившиеся маковыми головками. А вдали, километра за два, ярко полыхало пламя. Сквозь неумолчное цирканье цикад до Васьки доносились слабые крики и сухое щелканье выстрелов.

— Хунхузы, что ли? — соображал Васька, выходя в поле. — Как бы не засыпаться... от одних сволочей к другим. Да тут где-то народная армия расположена... — смутно вспо-

минались обрывки лекций, докладов, газетных статей. — Провинция Шень-Си... Шень-Си, — так, кажется этот буржуй лопотал...

Пламя, видимо, разгоралось, расплзаясь вправо и влево. Небольшое возвышение мешало видеть горящие постройки. Зато языки огня, высоко вздымавшиеся в безветренном воздухе, ярко выделялись на темном фоне неба. Красный отсвет зарева озарял поля и облака. И вдруг Васька заметил что-то длинное и темное, бесшумнодвигающееся по ровному покрову полей. — Что это: погорельцы в эту деревню бегут? Но почему так тихо? А может — и не погорельцы.

Васька опустился на колени и приложил ухо к земле. Глухой топот многих ног был слышен вполне ясно. Васька недоумевающе поднял голову: на светлом фоне зарева четко вырисовались силуэтом контур человека с ружьем, голова, плечи, дуло, лошадиная морда..

— Верховой, еще... еще...

Целый ряд всадников, переваливая через холмы и на мгновение мелькнув по освещенному небу, пропадали в тени полей, сливаясь в длинную извивающуюся змею. Внезапно раздался глухой шум падения, лязг железа и крепкий русский мат, умело и со вкусом закрученный, прорезал тишину ночи.

— Тише, дьяволы, — всех разбудите, морды набью в кровь!!.

И почтительно-сдерживаемый голос ответил:

— Никак нет, ваше сок-родь, — как курей голыми руками возьмем...

— Ну, уж нет, не так-то просто, сволочь белогвардейская, — пробормотал Васька и рывком бросился к воротам. Тяжелые створки ворот подались с большой натугой. Теперь запор... Где он?... Да, вот засов! Успею ли?

И успел. Огромный дубовый брус-засов плотно вошел в гнезда.

— Эй, люди — заорал Васька в сторону деревни. — Вставайте, здесь бандиты, нападение...

По ту сторону ворот раздался целый взрыв матерщины, затрещали выстрелы, пули мягко зашлепали по дереву ворот, зацокали по камню ограды, разбитые черепицы зазвенели, падая на землю.

— Кто там, такую и так-то? — загремел чей-то бас.

— Ага, сволочь белогвардейская, — опоздали! На авангард комсомола напоролись! Да здравствует красный революционный Китай! Ура! — закричал Васька в ответ.

— Ах ты, погань советская! Вот мы тебя! Ломай, ребята, ворота!

Толстые доски затряслись от здоровенных ударов: видно, лупили прикладами. Но деревня уже проснулась: гнусаво заныли большие раковины, затрещали трещотки. Кто-то бежал сзади, кто-то кричал: — Васька, где ты, черт?..

— Френкель, это здорово, — подумал Васька, и от страшного удара по голове медленно упал на землю.

— Перелезли, черти, — сквозь целый фейерверк огненных брызг и оранжевых каких-то пятен пронеслось в Васькином сознании, и потом все разом погасло, провалилось, утонуло в черной, бездонной мгле...

И хорошо, что утонуло: иначе Ваське пришлось бы увидеть, как через разбитые ворота лезут загорелые усатые рожи, при свете факелов сверкает оружие, блестят погоны и какие-то темные, юркие люди вволакивают в ворота тяжелый, угрюмый пулемет...

18.

Свистунов и неподвижность

Уже давно качалась над Васькой пасть темная и злоеющая, пасть немислимого, состоящего из одной черной массы, дракона; может быть, динозавра. Пасть покачивалась, хлюпала, угрожала. И смердело из этой пасти стервянним запахом падали, конским навозом, тленом. Изредка подкра-

дывались или внезапно налетали грохоты, проносились где-то в бездне над пастью; уносились они, — и вновь равномерно хлопала пасть.

А вот сам Васька Свистунов был неподвижен. То, что было когда-то его движением, свойством его, Васькина, организма, — провалилось в ту же мрачную бездну, из которой теперь выпячивалась и хлопала пасть.

Ужасное же было в том, что Васька хотел двигаться — и не мог! Пробовал хоть рукой шевельнуть — и не осилил! Напряг всю силу воли — и остался на месте! Как будто всему, что когда-то неслоь вместе с Васькой в безграничные просторы жизни, побеждало, разрушало, строило, — всему пришел смертный конец, каюк, амба.

И когда дошло все это от восприятия до ощущения, и когда уловило это Васькино сознание, то сразу внутри все как будто успокоилось, а сознание начало действовать: подсчитывать, взвешивать, определять.

Да. Вот. Как же. Была Москва.

Была остановленность в работе.

Апатия. Разрушение нервных клеток, — так сказал врач.

Потом — Френкель. И еще... профессор. А потом что?

Да. Этот... как его — монголенок; почему он блестит как яркий луч со своим кимовским знаком? Та-ва-ли-ся... Славный парнишка!

Бесконечная пустыня. Степь. Миражи. Караван... без конца караван.

Потом хунгузы, стрельба. Лама. Бегство.

Ночь такая же черная... как пасть. Да не пасть это вовсе! А что?

Потом... потом плантация. Этот британский сукин сын, и еще... китайская деревня... А потом все провалилось в пасть. Да не пасть это!

— Так нет же, нет, не хочу! — внезапно вспыхнув огнем, сказало Васькино сознание. — Не хочу неподвижности! Не могу перенести неподвижность! Да, мало того: неподвижность. И московской остановленности тоже не хочу. Не желаю!

Создает, двигает жизнь вперед — б о р ь б а, а не неподвижность. Так да здравствует борьба! Пусть она выражается хоть в мучной торговле, хоть в клубной работе, хоть в жалких этих танцах — пусть. Но — борьба, борьба...

Хотел когда-то в Москве бежать хоть к черту на рога, во что бы то ни стало бежать, — только бежать. А от чего бежать? От борьбы. Не имел, не имел права Васька бежать от борьбы. Нельзя было этого делать. Нужно было дать себе отдых, отойти, укрепить физиологию, восстановить разрушенные нервные клетки, все это так, — а б е ж а т ь?

У-у-у, дезертир проклятый! Вот и ввергся в неподвижность... Внезапно залязгали буфера, где-то далеко паровоз дал тонкий свисток.

Ну, да, — разумеется, никакая это не пасть, а просто пустой товарный вагон, и в нем... в нем — Васька, на полу, со связанными ногами. Поезд замедлил ход, стал останавливаться, и в это же самое время до Васьки донеслись обрывки хоровой песни. Пели нескладно, но дружно. Песня была, кажется, знакомая. Слов нельзя было разобрать, и Васька стал вспоминать по мотиву, где и когда он ее слышал.

Кажется, маленьким мальчиком... лет пяти или семи. Но поезд шел все медленней и медленней, песня становилась слышней и слышней.

Ну, да, — так и есть! Вовсе не мальчиком, а в клубе, на какой-то постановке...

— Си-и-ильный, держа-авный... — донеслось, совершенно явственно. Вот это что: «боже, царя храни».

И тогда сразу Васька вспомнил все.

— Значит, они, сволочи, меня схватили — и теперь куда-то везут.

И словно в ответ на его соображения за стенкой остановившегося вагона послышались голоса:

— Ну да, капитан... эээ, капитан. Вот он, в этом вагоне. Что? Советский шпион! Везем, как доказательство участия Советов в китайских забастовках. Что вы? Сейчас!

Дверь вагона с шумом поехала в сторону, вовнутрь вагона хлынул свет. Перед Васькой появились двое людей в погонах. Один из них пнул Ваську сапогом. Сапог попал по

больному месту, Васька чуть не крикнул, но сдвинул себе зубами кончик языка — и промолчал.

— Ну, ты... как тебя... комсомол!

— Может быть, он в обмороке? — спросил другой.

— Притворяется, сволочь, — возразил первый.

— Ну, тогда до Яонь-цзы... Там-то живо перестанет притворяться, — загадочно сказал другой.

Дверь тяжело поехала, закрывая свет. Снова донесся паровозный свист.

Васька ощутил, что он слаб, как не бывал никогда, что изредка возникает страшная боль в задней части его головы, и что связаны у него не только ноги, но и руки. И вновь Ваську окутала тяжелая чернота неподвижности.

Один из них пнул Ваську сапогом. — Ну, ты... как тебя... комсомол!

19.

Проводник Антипыч

Русский проводник Антипов, или как его привыкли звать — Антипыч, протер глаза и с изумлением удостоверился, что он совершенно один. Антипыч вылез из лёссовой пещеры, почесал в затылке и отправился на поиски.

— Ну, мангольцы-то так-сяк: к домам наверно двинулись, — рассуждал он по дороге. — А вот профессор-то наш где? И товарищ Френкель с товарищем Свистуновым? Не засыпались ли они куда ни-то.

Целые сутки блуждал Антипыч по бесконечным теснинам лесса; посчастливилось ему набрести на покинутую пещеру, в которой он нашел связку сушеной рыбы. Большинство других таких же пещер были населены грязными и оборванными детьми и стариками. При приближении Антипыча они или разбегались, или безмолвно ложились на землю, покрыв себя тряпьем. Добиться от них Антипычу ничего не удалось. В пустой пещере Антипыч поужинал рыбой, поспал, и утром двинулся в дорогу. К полудню добрал он до маковых плантаций и, завидев усадьбу, пошел к ней. Внезапно ворота усадьбы распахнулись перед самым его носом, и из ворот чуть не кубарем вылетел товарищ Френкель. Два здоровенных белых человека, ухмыляясь, захлопывали массивные створы ворот.

— А-а-а-а, вы-так? — крикнул Френкель, вставая и отряхиваясь от желтой пыли. — Черти английские! Сволочи!

— Болль-ше-вик! Девиль! (Дьявол), — послышалось из-за ворот.

— Чегой-то они вас, товарищ Френкель, — заботливо спросил Антипыч, помогая обчиститься.

— Да, как же, Антипыч, друг?! — возбужденно кричал Френкель, принимая присутствие Антипыча, как совершенно понятное и естественное явление. — Я пришел подмоги просить, — Васька Свистунов пропал, понимаешь, — а они... прямо по шее. Империалисты паршивые! Джонбули окаянные! И еще профессор этот: — «Я нитшего не знаю, я нитшего не понимаю»... У-у-у, динозавр ископаемый... Жалко ему хунхузня яйцо в глотку не заколотила! Тоже. Паленто-ло-гия! Тьфу! Извошник! Красиви дженшин! Дерьмо синее!

— Да куда ж товарищ Свистунов-то делся? — недоуменно спросил Антипыч.

— А! — досадливо махнул рукой Френкель. — Нас по приказу мистера его величества, вот этого самого плантатора, заперли в китайскую деревню. Ночью налетела банда, я насилу ноги унес, а Васька пропал. Так-таки, понимаешь, пропал без остатка. Я подмоги просил, а они... У, сволочь, — погрозил кулаком Френкель. — Ну, погодите, динозавры империалистские...

Шедший мимо рабочий-китаец в громадной шляпе остановился, глядя, как Френкель размахивает руками.

— Я сейчас хожу спрошу, — сказал Антипыч. И заговорил по-китайски. Китаец ответил, что он только что был в разгромленной деревне, и от жителей узнал, что «белые собаки» увезли с собой русского. Кроме того, китаец указал дорогу в расположенный недалеко город, где есть войска народной армии. Френкель и Антипыч двинулись по указанному направлению.

По дороге поражало совершенно исключительное изобилие нищих. Уже одно их количество указывало, что путники находятся в совершенно разоренной стране. Нищие — старики, старухи, дети, а иногда и взрослые мужчины жалобно тянули руки с просьбой а помощи. У самых порот города сидело множество оборванных людей. Они тянули жалобную песню, — Антипыч перевел ее слова:

Когда он встанет с мягкого ложа — он бьет слугу,
Когда он по улице тихо идет — говорит о судьбе бедняков.
Когда его кружит толпа — он сулит горы счастья...
А во дворце на Пей-хо он спокойно и молча казнит.
Угадай же, житель Пэ-синя, о ком поется в песне?
Кто тот, кто на волка, лисицу, собаку похож?
Кто людей, лишь как добычу себе признает?
Кто строит себе из тел их, из крови палаты?
Кто продает обещанья за деньги — и за деньги от них готов
отказаться?

Кто? Кто? Кто?

Это — чужестранец, житель Пэ-синя, богатый чужестранец...
Но таков же и его посланец-генерал...

В плену у самого себя

Люди в громадных тростниковых шляпах, белых рубахах и портах, но с ружьями, преградили дорогу в начале улицы. Антипыч объяснил Френкелю, что они требуют пропусков.

— Какие там, к черту, пропуска! — закипятился Френкель. — Мне нужно ближайшего генерала народной армии, и ведите меня к нему.

Китайцы повели обоих путников, окружив их со всех сторон и держа ружья наготове. Улочки города кишели людьми, — в большинстве оборванными и истощенными. Животных не было видно.

— Все подъели, — сказал Антипыч. — Все одно, как мы в девятнадцатом годе... Они, сказывают, и раньше-то кошек, собак и даже мышов жрали, а теперь и подавно.

Кое-где попадались дома европейского типа, но большинство было сложено на живую нитку из бамбука, хвороста и навоза.

У длинного ряда строений с причудливыми китайскими крышами оборванные солдаты остановились и объявили, что здесь — штаб генерала. Френкеля и Антипыча провели в караулку. В караулке было душно и загажено. Несколько солдат лежали прямо на полу, подложив под себя ружья. Идол с отбитым носом, но довольно внушительных размеров высился в углу. — Кумирня раньше была, — пояснил Антипыч. — Ээх, жизня... Ни тебе покурить, ни тебе что... Ждать пришлось неимоверно долго. Сильно сосало под ложечкой — хотелось есть. Френкель принимался несколько раз ругаться, выходил из себя, но стража никак на это не отзывалась. Только раз один из лежавших солдат вытянул из-под себя ружье, нацелился на Френкеля и сказал несколько китайских слов. — Это он ругается, — перевел Антипыч. — Спать не даете, товарищ Френкель...

В сумерках в караулку явился офицер с переводчиком. Он долго допрашивал Френкеля — с какой целью явился в штаб. Затем, с очень вежливыми поклонами скрылся. Прошло еще довольно много времени, — наконец, явилась целая толпа солдат, окружили Френкеля и Антипыча, повели по длиннейшим дорожкам и переходам, подобным кегельбану. Дорожки шли среди ряда кумирен и домиков. В какой-то темной клетушке одного из этих домиков Френкеля и Антипыча оставили одних и приказали ждать.

— Опять ждать, — возмутился Френкель. — А в это время там, может Ваську, эхх...

— Бойтся ихний генерал, — таинственно сказал Антипыч. — Несколько раз убить хотели. Они между собой толковали, у них на этот счет просто...

Наконец, явился давешний офицер, и после ряда поклонов и извинений повел обоих внутрь сравнительно большого дома.

Сумрак и странный спертый запах полновластно владели небольшой, заставленной ширмами комнатой. Приглядевшись, Френкель увидел слабый свет и контуры человеческой головы в отверстии одной из ширм. Френкель двинулся было к этой ширме.

— Мьнога-мьнога — на мести стояла!! — сдавленным голосом, но повелительно произнес откуда-то из угла переводчик. — Цзяня-генелала сама говорила!...

Голова в ширме зашевелилась, и медленный, но важный голос спросил что-то по китайски.

— Спрашивает: что тебе, дескать нужно? — шепнул Антипыч.

— Товарищи, русского комсомольца захватили в плен русские бандиты, — сказал Френкель. — Я прошу дать мне помощь, чтобы выручить его.

Голова скрылась за ширмами.

— Цзяня-генелала сказала: уходи!! — заявил переводчик. И Френкеля с Антипычем увели в ту же самую клетушку. Сейчас же принесли туда по кружке чаю. Чай был ароматен, но крепок и без сахара. Френкель и Антипыч с жадно-

стью набросились на него. Вслед за чаем явилось какое-то теплое варево в котелке.

— Похлебки дали,
— с радостью сказал Антипыч. — Вот-ма, а чем же кушать-то?

Но взял котелок, налил в кружки изпод чая. С жадностью набросились голодные путники на пищу.

— Хрустит чегой-то в ней, вроде хрящи какие, — вопросительно сказал Антипыч. И, поднеся поближе к свету, воскликнул:

— Да ведь это, мать ее, кузнецы! Товарищ Френкель, — провалиться, кузнецы!

— Тьфу, саранча, — ответил, разглядев, Френкель.

— Стой, да тут и мясо есть, — радостно воскликнул Антипыч, ковыряясь в котелке и вытащил что-то странной формы.

— А, черт, не будем разбирать, на свете ничего поганого нет, — ответил Френкель. — С голодухи все сойдет! Китайцы едят — недохнут.

Через час явился все тот же офицер и объявил, что цзянь четвертой народной армии Хаоли-Фу, посылая привет предкам Френкеля, не может дать никакой помощи; почтительно извиняется, потому что все бины (солдаты) на счету, а город под опасностью удара со стороны хитрой лисы — дудзюня провинции Фынь-Чжоу.

*Похлебку дали, — с радостью сказал Антипыч. —
Вот-ма, а чем же кушать-то?*

21.

Способности Френкеля

Ранним утром Антипыч пошел до ветру. Вернулся он очень возбужденный.

— Вставайте скорей: аэроплан, сейчас провалиться, аэроплан!!

— Какой там еще аэроплан? — сквозь сон пробормотал Френкель.

— У генерала-то у этого — аэроплан сломатый! Так я, мол, не почините ли. Ведь, вы, кажись еще в Гоби говорили, что летали когда-то?

— Ну и что? — все еще не одолев сна, спросил Френкель.

— А то, что почините — и айда выручать товарища Свистунова!

— И верно, — закричал Френкель, подскочив пружиной. — Показывай, где самолет!

У высокой, грязной стены отчетливо и как-то не к месту розовели двойные крылья гигантской птицы.

— Французский биплан Бреге, — определил Френкель, подбегая. Но из-под самолета вылез сонный, угрюмый китаец и качнул ружьем.

Антипыч быстро и лихорадочно забормотал что-то по-китайски. Часовой посмотрел раскосыми глазами очень недоверчиво и, словно нехотя, дал дорогу Френкелю.

Влезть на сиденье пилота, проверить тяжи, поверхностно осмотреть мотор, планы, — было делом нескольких минут: все было в порядке. Даже баки были почти наполнены. Даже из пулемета торчала наполовину недоострелянная лента. Скорей, скорей!

— А где летчик! — внезапно вспыхнул вопрос.

— Нету у них летчика, — махнул рукой Антипыч. — Какие у них летчики. Японцу, говорит, голову срубили, который летал. А своих нету. Он говорит, это воздушный змей, дракон, который сверху убивает...

— Вот он, — дракон профессора, — не слушая рассуждений Антипыча и шагая к дому штаба, думал Френкель.

Через десять минут Френкель и Антипыч стояли в приемной генерала. Теперь было ясно видно, что на ширмах нарисованы извивающиеся драконы и фантастические птицы. Заинтересованный рассказом Антипыча дежурный офицер скрылся где-то в глубинах дома.

Для Френкеля, увлеченного жгучей и стремительной мыслью — спасти Ваську, — дальше было все, как в тумане. Как-то смутно мелькали перед ним какие-то люди, в окошечке ширмы проплыло старое изнеможенное бабье лицо генерала, потом Френкель очутился перед столом, а за столом сидел человек во френче с синими обшлагами. Какие-то пальцы потянулись; захватили кисточку, умакнули в чашечку с тушью и начертили несколько головоломных значков на листе бумаги, потом стукнули печатью.

— Разрешил... — озарило Френкеля, и он схватил лист. Но пальцы не выпустили листка. Френкель в свою очередь потянул листок к себе.

— Они вот что говорят, товарищ Френкель, — переводил Антипыч. — Они говорят, чтобы вы им какую-то поручению исполнили. Значит, на машине чтобы слетали в Учан, в гоминдан ихний, и отвезли какие-то бумаги, сильно важные... И тогда они вам разрешат. А так — нет.

— Как же это? А Васька-то? Ведь времени много пройдет, — пронеслось в голове у Френкеля. — Как же быть-то? А, черт, нужно соглашаться! Единственный шанс разыскать Ваську! Скажи им, что я согласен, — громко сказал Френкель, поднимая глаза.

Комната была полна народу. Люди в белых и синих рубахах, во френчах, — с любопытством глядели на Френкеля. Антипыч кончил фразу и замолк.

Весь день возился Френкель с аппаратом. Без усталости разбирал мотор, промывал свечи, притирал клапана, проверял магнето и вот, наконец, четко и чисто заработал мощный восьмицилиндровый четырестапятидесяти сильный мотор.

На следующее утро, вместе с зарей, воздушная птица оторвалась от поляны за штабом и, описав круг над городом, устремилась на поток, унося пилота Френкеля, Антипыча и с ними вооруженного гоминдзюновского офицера. Тысячу километров до Учана Френкель надеялся покрыть не больше чем в шесть-семь часов.

Вместе с мотором стучало сердце Френкеля:

— Спасти Ваську... Спасти Ваську... Во что бы то ни стало...

22.

Сердце революционного Китая

Тысячи ног, отбивая такт, мерно гроыхали по широкой, пыльной дороге. Жаркое солнце, скрываясь в облаках пыли, только-только всползло над громоздкой крышей арсенала; а уже несколько часов под ряд топотали ноги. Гремели, раскатываясь и наезженных колеях, высокие колеса. Дробно рокотали, изредка цокая по камням, неподкованные копыта. Звенели, гудели, сипели, заливаясь нестерпимым верезгом трубы — медные, деревянные, жестяные. Захватывающе ныли огромные мирские раковины. Барабаны всех видов, разных размеров — от огромного в два-три обхвата, до маленького, по которому настукивают концами пальцев, держали ритм. И все покрывалось безудержным, могучим, как буря, радостным ревом — ревом возбужденной, доведенной до экстаза, до экзальтации многотысячной толпы.

Это был первый смотр революционной армии в Учане после его взятия.

Тысячи, тысячи, десятки тысяч кое-как одетых, вооруженных сборным оружием, но воодушевленных одной идеей, одним желанием свободы вышагивали под грохот многочисленных оркестров.

Сворачивая с дороги, выстраиваются на обширном поле: пехота, артиллерия, кавалерия, инженерные войска, отряды партизан-добровольцев, размещаются рядами, линиями, стройными массами, а в центре — краса и гордость революционного Китая — непобедимая дивизия Вампу.

Знамена, флаги, значки, эмблемы алеют, голубеют, пестреют, трепещут в пыльном воздухе. А высоко под облаками — с трещотками, со свистульками яркие точки: национальная игрушка, спутник всех китайских праздников, воздушные змеи.

Кругом шумная, крикливая, возбужденная толпа. Цепь часовых с трудом сдерживает напор; каждый хочет прорваться к рядам солдат, сказать ласковое, почтительное слово, сунуть кусок лепешки, горсть рису, бобов, а не то просто во всю ширину рта крикнуть прямо в лицо радостный привет. А рядом, по обочине, еще более многочисленные толпы: на собаках, на ослах, на верблюдах, на велосипедах, в тележках, в повозках, в тачках, а главное — пешком. Деи, женщины, старики, молодежь — и неслыханное, невиданное дело: подстриженные девушки-студентки...

Солнце лезет все выше и выше: жарко, душно, пыль забивается в глаза, в горло, в нос... Энтузиазм растет: не стихают оркестры и не смолкают крики радости и возбуждения.

Войска выстроились; по дороге промчались, стуча, мотоциклетки и автомобили. И вдруг оборвалась острая и нежная мелодия китайской музыки. Замер шум толпы: на дороге крытый автомобиль, на подножках, с обеих сторон — солдаты. Автомобиль завернул к войскам, рассыпался прыгнувшими солдатами, выбросил высокого человека в белом китайском костюме — и умчался.

Сотни тысяч глаз неотступно следят за высоким человеком. Вот, шагнул несколько раз, остановился, поднял руку. Крик, безумный по своей мощности крик потряс воздух.

— Ман-шью!... Ман-шьюу!... Ууууу!...

Ало-голубые знамена, качнувшись, склонились.

Один за другим подбегали автомобили, с членами ЦК Гоминдана, с членами Реввоенсовета Южного Правитель-

ства. Один за другим вожди быстро взбежали на многочисленные крытые трибуны. Один за другим возникали митинги.

— Память великого Суна да живет вечно... — Дивизии Вампу десять тысяч лет здравствовать.

И, вслед за лозунгами:

— Ман-шью... Ман-шьюууууу...

— Гомин-дан — ман-шью!

Рев, рев подобный реву моря, грохоту грозы, урагану, тайфу:

— Ууууу... Ууууу...

И никто вначале не заметил точки, появившейся над горизонтом. Зачем смотреть на небо, когда на земле невиданный во всей тысячелетней истории Китая — такой праздник, праздник не для богатых, а для бедноты. Но точка неуклонно росла, близилась, расширялась, стала крестиком, и вот уже — ровный рокот мотора. Тысячи глаз в небо. Воздушная машина, несущая смерть. Враг или друг? Скорее — враг.

Дула винтовок устремились вверх. Толпы шарахнулись от трибун. Пулеметы задрали короткие морды.

Но самолет уверенно снижался, и вот уже стали видны на его крыльях красные солнца.

— Японец!

Залп, залп... Гигантские трещотки пулеметов.

И вдруг — с самолета — ало-голубое знамя Гоминдана.

Свои!!!

Но самолет уже у самой земли, судорожно выравнивается... и вот уже колеса катят его по земле.

С машины один за другим сошли трое. Один из них — в форме гоминдзюновского офицера — подошел к группе начальников, протянул пакет. Вытянулся и отчетливо произнес:

— Почтительное донесение от цзяня четвертой народной армии Хаоли-Фу блистательному Революционному Совету Гоминдана.

— Ман-шьюууу!... — грохнула толпа.

С машины сошли трое, один из них в форме офицера вытянулся и протянул пакет

— В самую центру попали, товарищ Френкель, — сказал Антипыч, оглядываясь кругом.

— Какая разница с народной армией, — подумал Френкель, впервые сходя на благословенную землю Южного Китая и вглядываясь в стройные ряды обутых и подтянутых солдат Кантонской армии.

23.

Никаких гвоздей

— Э, братишка, что же, — пыхал перегаром какой-то ужасной водки обнявший Ваську Свистунова солдат. — Не-что они люди? Они вроде обезьян. Опять же — разбойни-

ки. Хунхузы они, вот они кто. И самый ихний главный — Чжан — старикашка — тоже хунхуз. Наша офицерня, конечно, к нему подслуживается, — ну, это все от мамона. Видел я его, Чжана-то. Ну, как есть из наших, из воронежских мужиков старого понятия. — Солдат вздохнул.

— А ты давно из России? — угрюмо спросил Васька. Тело болело и ныло, кисти рук, сдавленные наручниками, саднили; кроме всего прочего, хотелось есть.

— Я из России давно, — помолчав, ответил солдат. — Я, братишка, из России с самого Колчака. Забыл, с чем ее едят, Россию-то. — Солдат нехорошо ухмыльнулся. — Польстились мы на водку на дешевую... эххх!...

— Продали, стало быть, Россию за выпивку, — подковырнул Свистунов.

— Про-дали, — протянул было солдат, но внезапно обозлился: — А ты, знай-помалкивай, сволота... Помни, что ты есть арестованный. Тоже разговаривает.

Двуколка загромыхала по камням. Узкая улочка как-то сразу кончилась, открылась большая площадь. Возница-китаец, не переставая нахлестывать мула, обернулся и странно подмигнул Свистунову. Свистунов, недоумевая, осматривался кругом, и внезапно заметил: к телеграфному столбу на расстоянии четырех метров от земли была прикреплена человеческая голова; поодаль, у плетня, стояло распятое безголовое туловище.

— Вот как с вашим братом-коммунистами разделяются, — хвастливо сказал солдат. — Да вон, никак, еще одного угробить хотят...

На площади казнили не одного, а несколько китайцев. Полуголые желтые люди со связанными назади руками были поставлены на колени; около каждого высились большие белые доски с китайскими надписями; палачи в солдатских гимнастерках размахивали древними монгольскими секирами. Кругом, в отдалении, толпились отдельные кучки зрителей. Впрочем, народу было немного, видно было, что зрелище нередкое.

— Ну, а как в России-то? — спросил солдат, которому, видно, надоело молчать. — Голод, чай?... Падашь жрут?

— Да ведь я арестованный, — невесело ответил Свистунов. — Мне нельзя разговаривать.

— Говорили — налоги непомерные... Седьмую шкуру, будто, дерут.

— Кто семь шкур носит, с того седьмую и дерут... — неохотно ответил Васька; ему не хотелось разговаривать; тело продолжало болеть; где-то внутри родилась, и пошла разгуливать по всему телу мелкая противная дрожь.

— Не хошь ли хлебнуть? — неожиданно и вполне дружелюбно предложил солдат, вытащив из-за пазухи бутылку с мутной жидкостью. — Рисовая, ханшин называется. Градусов на пятьдесят будет...

Васька отказался. Солдат хлебнул сам, спрятал бутылку и достал из кармана краюху серого хлеба. Разломив ее пополам, солдат предложил Ваське. Хлеб был сырой и невкусный, весь в крупинках махорки; Васька стал, однако, есть с удовольствием. В штаб притазились к вечеру. Китайские солдаты окружили Ваську и повели в низенький, опутанный колючей проволокой, дом. Представитель китайского генерала — некий чин в шелковом халате — был надут и важен. Русский офицер с одутловатым лицом казался его подчиненным.

— Ты что, комсомол? — лениво и нехотя спросил офицер, наставляя на бумагу американскую автоматическую ручку.

Васька молчал.

— Молчать будешь? — так же лениво продолжал офицер. — Хуже будет, сукин сын. Прижгут подошвы — заорешь белугой.

Васька молчал.

— А, вот ты какой, голубчик? Ну, ладно. А в общем могло бы и обойтись. Например: паек, жалованье и все такое. Свобода. Как думаешь? Все молчишь? Все равно — заговоришь, да поздно будет... Так вот: с тебя требуется только одно: признай, что большевики прислали тебя и других на подмогу китайским большевикам. И что едет еще несколько партий.

Васька молчал. Офицер встал, лениво раскачиваясь, подошел к Ваське и внезапно, со всего размаху, ударил его по носу. От неожиданности Васька ударился о стену, но тотчас же пружиной отскочил и ринулся на офицера. В тот же момент Ваську схватили сзади несколько человек.

Очнулся Васька — зверски избитый и связанный — на платформе бронепоезда; кругом сидели несколько русских солдат с винтовками. Ваську куда-то везли.

Представитель китайского генерала был надут и втиснен

24.

Красные пики

Все началось очень просто: старшина приказал Чин-Бао-Си отдать в пользу ангодзюна последнюю и очень тощую овцу. Когда Чин-Бао-Си стал возражать, старшина пригрозил ему минь-туанами. Чин-Бао-Си отвел овечку в дальнее поле, посадил в яму и прикрыл негодным бамбуком. Тогда пришли минь-туаны и стали бить Чин-Бао-Си по спине, по животу и даже по лицу — до тех пор, пока Чин-Бао-Си, охая и крича, повел минь-туанов в поле и показал овцу. При этом минь-туаны всю дорогу говорили Чину о том, что он, старый слон, не хочет, чтобы во всей Небесной стране настал мир, а наоборот: хочет войны и беспорядков.

Чин-Бао-Си очень хотел мира и порядка, но еще больше он хотел, чтобы никто не мешал ему обрабатывать свое поле, чтобы никто не отбирал урожая, чтобы его животные были действительно его животными, чтобы никто, в том числе минь-туаны, не приходили с дракой отбирать их в пользу какой угодно армии.

— Вот вам овечка, мои почтенные, — слезливо сказал Чин-Бао-Си, сбрасывая негодный бамбук. — И это — последняя моя овечка. Свинью забрали солдаты еще в позапрошлый урожай, и забрали вместе с урожаем. Другие солдаты отняли кошку. Собака пропала неизвестно куда.

Сказав так, Чин-Бао-Си заплакал, потому что его пожаловили собственные слова. Но минь-туаны не плакали, наоборот, они пошли в деревню с большим весельем, потому что, обирая бедняков, они освобождались от податей ангодзюна сами и сохраняли свое имущество. Чин-Бао-Си сидел в овечьиной яме, пока не стемнело. В темноте он пошел в деревню, но его остановили какие-то люди.

— Стой! — крикнули эти люди. — Кто смеет ходить по дорогам после захода солнца? Разве ты не знаешь, что это запрещено нами?

— Я не знаю, кто вы такие, мои почтенные, — жалобно ответил Чин.

— Также не знаю я, почему запрещено ходить в темноте. А я — я бедный маленький Чин-Бао-Си, у которого взяли последнюю овечку.

— Кто же взял у тебя овечку? — грозно спросили люди.

Чин объяснил, и люди позвали его с собой. Они пришли к речке, переправились на плоту на ту сторону и там увидели костер. Вокруг костра стояли и сидели люди, и Чин-Бао-Си узнал в них кое-кого из знакомых и соседей. Один из людей стал говорить, и Чин-Бао-Си слушал и думал, что никогда не слышал столько слов сразу.

— Почтенные друзья, — говорил человек. — Все мы — мирные люди и не хотим никакой войны. А между тем, вот уже пятнадцать раз прошел великий праздник нового года, а война не прекращается. По всей нашей благословенной провинции Шань-Си разгуливают генералы, цзяни, и у каж-

дого цзяня есть солдаты с пушками и ружьями, и эти солдаты хотят есть, пить и спать, не работая...

— Это очень верно, — важно заметил Чин-Бао-Си, потому что ему казалось, что человек обращается главным образом к нему.

— Но этого мало, почтенные друзья, — продолжал говоривший. — Солдаты уходят, но на их место приходят другие и отбирают все, чего не успели отобрать те. Потом приходят третьи, четвертые, пятые солдаты, и все они сердятся, потому что нечего больше отбирать... Но гораздо хуже поступают цзяни, потому что они не только сердятся и дерутся, а еще велят рубить землепашцам головы. Так вот, поэтому, почтенные друзья, — мы уходим в горы и присоединяемся к тайному союзу «красных пик»... Мы будем бороться и с солдатами, и с цзянями, и с минь-туанами, и с белыми дьяволами, — со всеми, кто препятствует нам мирно жить и работать...

Чин-Бао-Си решил, что все это правильно и остался с «красными пиками».

В горных перевалах скапливается лед — может быть годами, может быть десятилетиями, а может быть — и веками. Но бывает так, что лед не выдерживает больше своей собственной тяжести и — сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, наконец — стремительно движется вниз, сметая все на своем пути. Грозна ледяная лавина. Смерть ждет всех, кто станет на ее пути. Таковы и крестьянские восстания всех времен, веков и народов. Таково и движение китайских «красных пик».

Красные пики выступили рано утром на заре. Чин-Бао-Си был вместе со всеми, и он был вооружен серпом, надетым на длинную палку. У других повстанцев было такое же оружие, но некоторые были вооружены и огнестрельным оружием. К полудню красные пики подступили к железнодорожному пути. Первые же люди, подошедшие к насыпи, скovyрнули рельсы. Путь был закрыт. Волей восставшего народа унижение больше производиться не могло. Чин-Бао-Си ликовал; он решил, что красные пики уже победили. Машинист бронепоезда, наполненного русскими

кондотьярами*, вовремя заметил опасность и пустил в дело тормоз. Поезд остановился, но со всех сторон на него устремились полуголые, оборванные, истощенные люди, вооруженные косами, палками, серпами и просто дубинами. Заработали пулеметы, — наперебой, как весенние гуси — и с насыпи покатались люди, сшибая по пути еще не задетых пулями, но неуклонно карабкавшихся кверху. Чин-Бао-Си ползком добрался до самого верха насыпи, но здесь-то его и срезал пулемет, — Чин-Бао-Си склонился к песку и замер.

Васька Свистунов слышал шум боя, ровную и точную работу пулеметов, но сделать ничего не мог: ему только и оставалось — смотреть вверх. И вот, вверху показался крестик аэроплана, стал увеличиваться, снижаясь, и повис над поездом. — Друг или враг? — лихорадочно думал Васька. — А что, если друг? — Аэроплан стал описывать круги, словно выискивая удобное место для спуска. Внезапно где-то недалеко ахнул взрыв.

— Что такое? — закричал один из пулеметчиков, высунувшись за борт платформы.

— Японец бомбы бросает, — ответили откуда-то извне.

Пулеметы работали, заглушая рокот мотора и рев наступавших китайцев. Но новый взрыв заглушил их равномерный стук.

— Что за черт? Никак японец в паровоз ахнул? — крикнул тот же пулеметчик.

— Берегись — бомба! — раздалась команда. Пулеметчики легли на пол платформы, рядом с Васькой. Новый взрыв потряс Васькин слух совсем рядом. Пулеметчики вскочили на ноги и один за другим полезли через борт платформы. Один из них подскочил к Ваське и взмахнул финским ножом.

— Конец, конец, — подумал Васька и зажмурил глаза. Но тут же почувствовал, что руки стали свободными; взгля-

* Кондотьяры — наемные солдаты; в этой роли выступают в Китае русские белогвардейцы.

нул, увидел, что пулеметчик лихорадочно чиркает ножом по веревке, связывавшей ноги.

— Беги, браток, — сказал пулеметчик. — Как-никак, а русский... Не то японец бомбой разорвет. С этими словами солдат скрылся за бортом. Васька, все еще лежа, осторожно расправил затекшие руки и ноги.

— Куд-да, сволочи? — раздалось над самым Васькиным ухом, и Васька стал неподвижен. Высокого роста офицер прыгнул к пулемету, открыл замок, потянул из ящика ленту. Собрав всю оставшуюся силу, Васька мотнул рукой по полу, ухватил горсть земли и песку. Встал на ноги и швырнул песок в замок пулемета. Офицер обернулся, схватил Ваську за руку. В этот момент из-за борта протянулся серп на длинной палке и резнул офицера по голове. Рука офицера ослабла, Васька пихнул его кулаком в грудь и отскочил в сторону. Через борт платформы лезли полуголые желтые люди.

Васька мотнулся к другому борту и, перемахнув, покатился по насыпи вниз. Навстречу ему со снизившегося самолета бежали люди.

— Френкель, Френкель! — из последних сил закричал Васька.

— Как тебя черти вынесли! — радостно орал Френкель, размахивая маузером. — Да, беда, брат, беда: бензин весь, в баках на закурку не осталось.

25.

Тайна дракона

На веранду, где профессор Дормье и мистер Гарри Джонс вели интересный спор о преимущественном влиянии в Китае англичан или французов, ворвался надсмотрщик Троттер.

— Мистер Джонс, у нас неладно!

— В чем дело? — пролаял Джонс.

— Туземная прислуга вся оставила работу; рабочие исчезли с плантации.

— Что? — заревел Джонс. — Эти черти затеяли бунт против меня? А вы ничего не делаете, Троттер? Не знаете своих обязанностей?

— Но, говорят, красные пики...

— Чепуха, — отрезал Джонс. — Никто не смеет тронуть англичанина. Повесить парочку — и все успокоится! Едем в бараки!

Подогретый стаканом виски-сода, Джонс в сопровождении Троттера выехал из ворот усадьбы. На повороте из кустов выскочило несколько китайцев.

— Мерзавцы, на работу! — наехал на них Джонс, размахивая плетью. Но плеть не успела опуститься. Десятки рук ухватились за узду, за ноги, за руки потащили Джонса с седла.

— Троттер, на помощь! — закричал Джонс. Троттер разрядил револьвер. Один из китайцев упал. Кусты словно ожили. Отовсюду на дорогу высыпали рабочие.

Джонс судорожным усилием удержался в седле; лошадь, уколотая пикой, сшибла одного из китайцев и помчалась по полю. — Кажется, спасен, — подумал Джонс, подъезжая через задние ворота к дому.

— В чем дело? — тревожно спросил профессор, перегнувшись через перила.

— Бунт. Революция. Большевистская пропаганда! — отрывисто ответил Джонс. — Надо спасаться. В куски растерзают!

— А как же ваше влияние... — растерянно спросил профессор. Джонс махнул рукой, соскочил с лошади и бросился в дом. Через пять минут Джонс снова появился на веранде; в одной руке он держал винчестер, а в другой — небольшой саквояж. Англичанин, молча, отмотал уздечку лошади от дерева и вскочил в седло.

— А как же я? — спросил профессор, подбежав и схватившись за стремя.

— Как хотите, — буркнул англичанин, — и, дернув стремя, поскакал к задним воротам; от толчка профессор покати́лся в сторону, но тотчас же встал, отряхнулся и направился было к конюшне, но в этот момент Джонс галопом прискакал к веранде.

— Они уже там, — кричал англичанин. — Держите револьвер, — попытаемся прорваться через фасадные ворота!

Белые рубахи и соломенные шляпы замелькали в зелени кустов. Англичанин разогнал лошадь и на ходу выпустил все восемь патронов из винчестера. За лошадью бежал профессор Дормье, нескладно стреляя в воздух из револьвера. У самых ворот лошадь, зацепившись за протянутый внезапно шест, рухнула на всем скаку; Джонс отлетел на три шага в траву. Профессор бросил револьвер и поднял руки вверх.

За лошадью бежал профессор, нескладно стреляя в воздух из револьвера

— Та-та-ааай! — завывли белые рубахи. Сопротивляться было бесполезно. Джонс и профессор стояли рядом со скрученными позади руками. Не успел профессор сосчитать до десяти, как хозяин маковой плантации Гарри Джонс болтался на перекладине ворот.

— Кто ты такой? — на ломаном английском языке спросил профессора высокий китаец, казавшийся предводителем.

— Я приехал отыскивать динозавра, — залепетал профессор. — Динозавра... знаете... Такие были... Я даже яйцо нашел... Дракон.

— Драко-он, — протянул китаец. Яростные крики заглушили профессора. Профессор испуганно озирался.

— Ты, значит, поклонник дракона? — подбоченясь, спросил предводитель.

— Да, — прошептал профессор. — То есть, я ищущего...

— Повесить его рядом с английской собакой, — распорядился предводитель.

Профессора потащили к зловещей перекладине.

— Красные пики! — раздались восторженные возгласы на дороге. К плантации валила новая толпа. Восставшие рабочие слились с повстанцами. По колючей проволоке, окружавшей усадьбу, заработали косы и серпы.

— Френкель, — да ведь это профессор! — раздался крик из толпы.

— Свистунофф! — с рыданием взмолился Дормье. — Свистунофф!

А Васька был уже около профессора, распутывал петлю, растирал шею, поил водой. Двор быстро наполнялся людьми.

— Ну, профессор, надо в Унион Советик (Советский Союз), — сказал Френкель, выюча мула.

— Как в Унион? — изумился профессор. — А динозавр?

— Какие, к лешему, динозавры!

— Но ведь все представители желтой расы подтверждали, что есть дракон.

— Вот за этого дракона вас и вешали. Дракон-то ведь это — Чжан-Цзо-Лин. И флаг у него такой. Про Чжана-то все и говорили, не понимая ваших вопросов.

Так лопнули мечты профессора Дормье, члена французского палеонтологического общества, кавалера ордена Почетного Легиона.

— Слышь, Вася, а не остаться ли нам еще на месяц-полтора? — спросил Френкель. — Тут повоевать можно всласть... Но Свистунов не дал ему продолжать:

— Чтобы дать в руки козырь всей своре империалистов? Недаром они меня в плену охаживали. Чтоб они имели дутое доказательство участия ВКП в китайской революции? Так они такое зиновьевское письмо из этого раздуют!...

— Ехать, так ехать, — согласился Френкель. — Я говорил с предводителем повстанцев, он обещал дать провожатых до монгольской границы.

26.

Другими глазами.

Не без волнения открывал Васька Свистунов входную дверь клуба. Знакомый шум загудел навстречу.

— Узнают или не узнают? — с бьющимся сердцем думал Васька. — Забыли, поди, совсем... Восемь месяцев не был...

В гимназическом зале было довольно много народу. Какой-то незнакомый парень старательно выводил на гармошке «Субботу». Несколько девчат, взявшись за руки, приплясывали, перехватывали друг друга на ходу; выходило что-то вроде «Метелицы». Свистунов остановился и залюбовался плавными движениями девчат.

— Как здорово набазурились! — подумал он. — И танец новый.

— Васька! — раздался внезапно визг над самым ухом, и одна из девчат вцепилась в его локоть. Толпившиеся ребята расступились. Свистунов оказался в центре круга.

— Ты откуда, шут? — радостно кричал Пашка Лобов, проталкиваясь сквозь толпу. — Я думал, ты совсем пропал.

— Да нет, видишь, не пропал, жив, — ласково улыбаясь, ответил Васька.

— Оброс-то! Загорел-то! — верещали девчата. — Гляди — шрам какой! Ты с кем воевал-то?

— Погодите, все расскажу, — медлительно отбивался Свистунов. — Не налетайте сразу, а то хуже хунхузов...

— Идем в шахкружок, — взял Ваську под руку Лобов. — Там расскажешь.

— А освободился ты от своей мерехлюндии? — спросил Пашка, когда Свистунов вкратце передал свои приключения. — Ведь это самое главное...

— От мерехлюндии-то? Видишь какая штука. Конечно, такое путешествие хоть кого излечит. Да дело не в этом. Главная вещь в том, что меня сначала, когда на нас напали хунхузы, взбесило. Драться захотелось, гражданскую войну вспомнил. А потом, когда дальше и больше, когда в Китай попали, я понял, что они, китайцы, в сущности, проделывают то, что мы уже проделали. А я, вместо того, чтобы идти дальше, к следующему труднейшему этапу революции, просто соблазнился удрать на открытые фронты, где враг налицо, где надо только физически бороться с ним. Когда я лежал в бронированном вагоне, я упорно над этим думал.

— Значит, гражданская война тебя внутренне не захватила.

— Да, как сказать? Оно, конечно, загоралось иногда внутри, но башка настойчиво работала в том направлении, что, мол, твое дело — в другом, в том, что ты бросил.

— Ну, а как ты скажешь: у нас некоторые ребята, ссылаясь на твой пример и чуть не теми же мотивами усталости прикрываясь, хотят ехать в Китай. Ты бы как посоветовал?

— Погоди, я с ними поговорю. Понимаешь, тут главное не Китай, а важно глянуть на себя со стороны. Отдых именно в этом должен заключаться, а не в Китае. И еще я понял, какая же я пешка, в конце концов, в таком массовом движении, как китайское. Меня швыряло и туда и сюда... а роли я никакой не играл... и играть не мог. Зачем же тогда Китай? На фронтах они в лучшем виде и без нас управятся. А руководить мы не можем, потому по-китайски не понимаем.

— Вот это важное соображение, — задумчиво сказал Лобов.

— Нет, важней всего, и ты им разъясни — взглянуть на себя со стороны. А это можно и из санатория, и из деревни... Да просто на месяц, другой переменить линию культурной работы.

— Васька Свистунов здесь? — заглянула в шахкружок одна из девчат.

— Слушай, Васька, хоркружок сейчас начинается. Ты будешь или нет?

— Хор? Ладно! — весело ответил Васька. — Надо только голос проверить.

И он подошел к девчине и пустил низкую, асовейшую ноту:

— Кхаааааа...

Комментарии

Повесть Н. Огнева (наст. имя – Михаил Григорьевич Розанов, 1888-1938) «Следы динозавра» была впервые опубликована в журн. «Смена», № 4-8, 10 (72-76, 78), 1927 и вошла в авторский сборник повестей «Следы динозавра» (1928). Текст – с исправлением некоторых опечаток и ряда устаревших особенностей пунктуации – приводится по журн. публикации, откуда взяты и илл. Ю. Ганфа. На фронтисписе – эскиз обложки к сб. «Следы динозавра» раб. худ. В. Бехтеева.

С. 7. *Видения палеонтолога...* – Источником «видений», вероятно, послужил роман Ч. Робертса «In the Morning of Time» («На заре времен», «На рассвете времен»), главы из которого печатались в виде рассказов в журн. «Природа и люди» в 1912 г. В одном из них изображена сцена борьбы диплодока с хищным рогатым динозавром, чье место у Огнева занял трицератопс. Вполне понятно, что «видения» носят ироническо-пародийный характер.

С. 11. *Мертвый город Хара-Хото...* – Монг. «Черный город», город-крепость Эдзин (Хэйжунчен) в низовьях р. Эдзин-Гол, один из центров тангутского государства Си Ся. Был открыт и исследован во время Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова (см.) в 1907-1909 гг. Богатейшие археологические находки Козлова в Хара-Хото включали библиотеку в 2000 книг и свитков.

С. 15. *...подбирал избачей* – Т.е. разыскивал культурработников для организации в деревнях изб-читален.

С. 16. *...чешую бронтоватора* – Так в тексте.

С. 17. *...Авиахима* – Авиахим – советская добровольная общественная организация (1915-1925), объединение Общества друзей воздушного флота и Доброхима. Авиахим, предшественник Осоавиахима, сыграл заметную роль в пропаганде авиации и сборе средств на строительство самолетов.

С. 17. *...ядрист* – Здесь: член ядра комсомольской ячейки.

С. 18. ...*изображали цыганскую пляску* – Знаковая деталь, безошибочный признак «разложения» в комсомольском клубе. Так, одновременно с повестью Огнева «Смена» в № 8 за 1927 г. публикует рассказ Н. Погодина «Алые губы», отрицательная героиня которого, воплощение чуждой комсомолу идеологии, пляшет в клубе в костюме цыганки.

С. 34. *Буданцар-Алангоа...* – Алан-гоа – легендарная прародительница монголов; пять ее сыновей стали родоначальниками кланов. Родила двух из них в браке и трех во вдовстве, от таинственного небесного духа, приходившего к ней в виде юноши через дымовое отверстие юрты. Младший ее сын – простак Бодончар, предок Чингисхана.

С. 37. ...*Большой Ганген* – Речь идет о монастыре Гандантэгченлин (Гандан) в Улан-Баторе.

С. 38. ...*КИМ'овский* – КИМ – Коммунистический интернационал молодежи, молодежная организация под эгидой Коминтерна (1919-1943).

С. 42. ...*Козлов* – П. К. Козлов (1863-1935) – русский исследователь Центральной Азии, географ, путешественник, ученик Н. М. Пржевальского. В 1883-1926 гг. совершил шесть экспедиций в Монголию, Китай и Тибет, из них руководил тремя. Прославился открытием затерянного города Хара-Хото и раскопками хуннских захоронений в горах Ноин-Ула во время экспедиции 1923-1926 гг.

С. 42. ...*Эндрьюс* – Р. Ч. Эндрьюс (1884-1960), американский путешественник, натуралист и искатель приключений, вдохновитель и руководитель ряда знаменитых экспедиций в Китай и Монголию. Обнаружил множество костей динозавров в пустыне Гоби; в 1923 г. экспедицией Эндрьюса впервые в истории были найдены гнезда с яйцами динозавров (овирапторов). В 1934-1942 гг. был директором Американского музея естественной истории.

С. 43. ...*метра в длину и полуметра в ширину* – Размеры фантастические: известные науке яйца динозавров имеют в длину от 8 до 53 см.

С. 43. *Хунхузы...* – Китайские разбойники и бандиты; вооруженные отряды хунхузов действовали в Маньчжурии и на соседних территориях Монголии, российского Дальнего Востока и Кореи в конце XIX-нач. XX вв.

С. 51. *Лёсс...* – Известковистая осадочная горная порода палевого или светло-желтого цвета.

С. 55. ...*Шень-Си* – Совр. написание – Шэньси; провинция в центральной части Китая.

С. 55. *Ночной налет...* – Глава описывает действия одного из отрядов белоэмигрантов, участвовавших в китайской гражданской войне под командованием ген. К. П. Нечаева (1883-1946).

С. 67. ...*дудзюня* – Дудзюнь – устаревшее название военных губернаторов в Китае начала XX в.

С. 68. ...*Бреге* – Л. Ш. Бреге (1880-1955), французский пионер авиации, авиаконструктор, выходец из прославленного семейства часовых дел мастеров.

С. 69. ...*в Учан, в гоминдан ихний* – Гоминдан – китайская политическая партия, основанная Сунь Ятсеном в 1912 г. Укрепленный город Учан был взят гоминдановской Национальной революционной армией в октябре 1926 г., что стало одним из кульминационных моментов предпринятого лидером Гоминдана Чан Кайши для объединения Китая и борьбы с провинциальными военными кликами т. наз. «Северного похода». Для понимания дальнейшего необходимо помнить, что повесть создавалась в то время, когда Чан Кайши блокировался с коммунистами и воспринимался как союзник советской России; в разработке планов боевых операций и боях «Северного похода» принимали активное участие советские военные специалисты во главе с В. К. Блюхером, шли поставки советского оружия и т.д.

С. 71. ...*Вампу* – Военная академия для подготовки кадров революционной армии, созданная Сунь Ятсеном в 1924 г.; в ее организации и преподавательской работе принимали ближайшее участие советские военные специалисты.

С. 71. *Ман-шью...* – Здесь: «да здравствует», «да славится в веках» (искаж. кит.).

С. 72. *...великого Суна* – Т. е. китайского революционного деятеля и основателя Гоминдана Сунь Ятсена (1866-1925).

С. 72. *...цзяня* – Цзяня, военачальника.

С. 76. *...ангодзюна* – Здесь: военного штаба.

С. 84. *...Чжан Цзо-Лин* – Чжан Цзолинь (1875-1928), китайский политический и военный деятель, военный диктатор Маньчжурии, с 1926 г. генералиссимус Китая; был разбит Чан Кайши, оставил Пекин и 4 июня 1928 г. получил смертельное ранение при взрыве поезда, организованном офицерами японской Квантунской армии.

С. 84. *...зиновьевское письмо* – Письмо от имени председателя исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьева (1883-1926), в котором британским коммунистам предлагалось активизировать подрывную деятельность. Было опубликовано британской прессой за несколько дней до выборов 1924 г. и падения первого в Англии правительства лейбористов. Современные историки считают документ фальшивкой, изготовленной в белоэмигрантских кругах.

М. Ф.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.